РОВЕСНИК



РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Апрель, 1978 год. № 4

На первой странице обложки: Москва, Музей Владимира Ильича Ленина. Сцена каждого дня: встреча с историей жизни великой идеи и великого человека тысяч людей, приехавших со всех концов Советского Союза, со всех концов земли. Каждый апрель в день рождения Владимира Ильича здесь особенно многолюдно.

Фото Г. МАЛАХОВА

НАВСТРЕЧУ XVIII СЪЕЗДУ ВЛКСМ

— Международная деятельность комсомола. Говорят руководители зарубежных молодежных союзов.

— Международные инициативы комсомола — интернационализм и солидарность в действии.

АДЕН. В Аден возвратилась из Египта группа южнойеменских студентов, обучавшихся в египетских учебных заведениях. Они были высланы властями после разрыва Египтом в одностороннем порядке дипломатических отношений с Народной Демократической Республикой Йемен. Вернувшиеся на родину студенты рассказали об издевательствах и преследованиях, которым они подверглись после этого недружественного акта.

В связи с этими событиями Союз молодежи НДРЙ выступил с заявлением, в котором резко осудил акты бесчеловечного обращения египетских властей с южнойеменскими студентами.

ГАВАНА. Около полутора миллионов юношей и девушек республики, работающих в самых различных отраслях народного хозяйства, приняли повышенные личные обязательства в ответ на призыв председателя НПК товарища Фиделя Кастро принять участие во всенародном социалистическом соревновании в честь XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Более половины денежных средств в фонд фестиваля уже собраны в результате коммунистических субботников, сверхурочной работы на строительстве фестивальных объектов.

На снимке: эмблему XI фестиваля и лозунг «Молодежь мира, Куба — ваш дом» можно встретить повсюду — в школах, на заводах, стройках и полях.

РАБАТ. В результате переговоров двух марокканских молодежных организаций — Марокканская молодежь за прогресс и социализм и Молодежь Иттихадийя — в середине декабря 1977 года принят совместный документ об образовании НПК XI фестиваля и о совместной политической платформе, определяющий направление предфестивальной подготовки в стране.

БЕРЛИН. Газета «Юнге вельт» — орган Союза свободной немецкой молодежи — рассказала о делах Ленинского комсомола в год XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Международная активность комсомола, пишет газета, хорошо известна. Сейчас на заводах, полях и стройках СССР комсомольцы проводят субботники и ударные вахты в фонд фестиваля. Молодые строители БАМа вызвали на соревнование юношей и девушек, участвующих в сооружении важной для Кубы железнодорожной магистрали Гавана — Сантьяго-де-Куба. Это соревнование — один из наглядных примеров того, как молодежь социалистических стран на деле подтверждает свою готовность встретить фестиваль новыми трудовыми достижениями.

На снимке: «Фестивальный субботник» — так назвал эту фотографию корреспондент газеты «Юнге вельт».





ПРЕТОРИЯ. «Откровенные фашисты, никогда не скрывавшие своих симпатий к Гитлеру, захватили власть на моей родине. Недалек тот день, когда Форстер и ему подобные предстанут перед судом народов за свои кровавые преступления», — заявила в беседе с корреспондентом ТАСС в Лусаке член руководства молодежной секции Африканского национального конгресса Южной Африки (АНК) Линдиве Сисулу. «Отличительная черта фашизма южноафриканского образца состоит в том, — сказала она, — что народные массы томятся под двойным игом расовой и социальной эксплуатации. 20 миллионов африканцев официально отнесены к категории «людей-слуг», не имеющих никаких прав. Почти трем миллионам «цветных» обещано лишь «ограниченное» участие в политической жизни страны».

КИТО. «За мир, против гонки вооружений, против нейтронной бомбы» — такова тема состоявшейся в эквадорской столице конференции «круглого стола», в которой приняли участие видные общественные и политические деятели страны. Конференция была организована национальным подготовительным комитетом XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

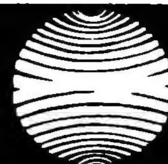
Участники конференции резко осудили проводимую США политику гонки вооружений и прежде всего разработку там варварского типа оружия массового уничтожения — нейтронной бомбы. От имени эквадорской общественности они выразили полную поддержку последовательной миролюбивой политике Советского Союза, направленной на углубление международной разрядки, на укрепление мира и дружбы между народами.

МАПУТУ. С призывом к мозамбикской молодежи оказывать всестороннюю помощь справедливой борьбе народов за независимость, мир, демократию и социальный прогресс обратился Национальный секретариат Организации мозамбикской молодежи (ОММ). В опубликованном документе подчеркивается необходимость установления отношений дружбы и сотрудничества с прогрессивной молодежью всего мира в целях укрепления антиимпериалистического фронта. ОММ осудила военную и экономическую помощь стран Запада режимам ЮАР и Родезии и призвала молодежные организации африканских и социалистических стран разработать конкретную программу активной помощи народам Юга Африки, борющимся против колониализма, расизма и апартеида.

ПАРИЖ. Тяжелый кризис переживает экономика Франции. Десятки предприятий свертывают производство или попросту прекращают работу. Армия безработных, таким образом, постоянно пополняется в результате массовых увольнений. С ноября 1976 года по ноябрь 1977 года число оставшихся без работы выросло на 182 тысячи человек и составило 1 миллион 612 тысяч человек, почти половина «лишних» — моложе 25 лет.

На снимке: эти молодые безработные, начав свою демонстрацию на одном из заводов французской столицы, прошли маршем протеста от Парижа до Страсбурга.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ



ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

СОФИЯ. Газета «Работническо дело» опубликовала письмо Первого секретаря ЦК БКП, Председателя Государственного совета НРБ Т. Живкова участникам движения научно-технического творчества молодежи. Орган ЦК БКП приводит факты, свидетельствующие о широком размахе движения. В завершившемся недавно девятом национальном смотре участвовали более 1,1 миллиона юношей и девушек, в производство внедрены 15 679 разработок молодежных коллективов, проведено 6834 конкурса по профессиям. Число молодых изобретателей и рационализаторов достигло 17 300. Вместе с тем газета подчеркивает необходимость повышения массовости движения, прежде всего за счет молодежи, работающей в сельском хозяйстве, строительстве, на транспорте, а также в области электроники, машиностроения и химии, тем самым будет достигнут качественный рост научно-технического творчества молодых.

МОСКВА. По приглашению Комитета молодежных организаций СССР Советский Союз посетила делегация молодых парламентариев ФРГ. В ее составе были депутаты бундестага и ландтагов от социал-демократической партии Германии, представители руководства «Молодых социалистов в СДПГ». Во время пребывания в нашей стране члены делегации имели возможность ознакомиться с деятельностью Ленинского комсомола, его участием в политической, хозяйственной и общественной жизни страны. Этот визит стал еще одним свидетельством развивающихся дружеских контактов между молодежью обеих стран, отстаивающей дело мира и разрядки.

МАНСФЕЛЬД. Две бригады одного из крупнейших меднодобывающих предприятий ГДР носят имена Алексея Леонова и Виталия Севастьянова. Восемь лет назад советские космонавты взяли шефство над предприятием, и с тех пор крепкая дружба связывает их с горняками Мансфельда. Эта дружба — гордость предприятия, но она накладывает и большую ответственность. Когда Виталий Севастьянов в течение 63 дней находился в космическом полете, «его бригада» решила не отставать и приняла ударную вахту: ежедневно в течение этого времени каждый из шахтеров вырабатывал 120 процентов нормы.

На снимке: Виталий Севастьянов и бригадир Юрген Трюмперс подписывают шефский договор в кабинете Юрия Гагарина в Звездном городке.





Youth
Accuses
Militari

"НЕТ — КОЛОНИАЛИЗМУ!"

"ПРЕКРАТИТЬ ВОЕННЫЕ ПРОВОКАЦИИ ИЗРАИЛЬСКИХ
ИМПЕРИАЛИСТОВ ПРОТИВ

ОНИАЛИЗМА"

АМЕРИКИ, БОРЮЩИХСЯ ПРОТИВ РЕАКЦИОННЫХ ВОЕННЫХ РЕЖИ

МИРА! ТЕСНЕЕ РЯДЫ В АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ





ВЛКСМ XVIII СЪЕЗД

смотрите!

Все флаги в гости... За последние четыре года в нашей стране побывало около тысячи делегаций зарубежной молодежи. И примерно столько же делегаций советских юношей и девушек выезжало за границу. Только в прошлом году услугами Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ воспользовались 189 тысяч иностранных гостей. И почти столько же молодых советских туристов совершили путешествия в другие страны. Ленинский комсомол и Комитет молодежных организаций СССР сотрудничают и поддерживают контакты с 1350 международными, региональными и национальными союзами молодежи из 130 стран мира. Таковы лаконичные факты о масштабах и плодотворности международных связей советского юношества. Но статистика, как бы красноречива она ни была, не способна передать атмосферу большинства этих встреч — в том числе чувств душевного гостеприимства и сердечности, горячего интернационализма и солидарности, с которыми встречает наша молодежь своих ровесников, чувств признательности и глубокого интереса к нашей жизни, нашему социалистическому опыту, с которыми едут к нам молодые гости. Публикуемые здесь фотографии запечатлели разные сюжеты — от митингов и встреч до совместного (с ребятами из ГДР) строительства школы. Все они, однако, рассказывают об одном — о том, как важна, привычна и радостна стала для нашей молодежи практика постоянного общения с молодежью мира.

Фото Н. Рясина и Ю. Егорова







ИСТОКИ АВТОРИТЕТА



Лодонгийн ТУДЭВ, первый секретарь ЦК Монгольского революционного союза молодежи:

Представьте себе небольшой поселок среди бескрайних монгольских степей — кучка юрт, стадо овец. А где-то далеко на западе идет война...

— Что такое война, отец? — спросил мальчик.

— Самое плохое на свете. Она убивает людей и все, что ими создано.

— И с ней ничего нельзя сделать? — В глазах мальчика были страх и любопытство.

— Можно. За это бьются наши русские братья. Они непременно победят.

— Они великие батыры, папа?

— Да, ведь Россия — родина великого Ленина.

— А кто такой Ленин?

— О, это очень ученый, очень сильный человек.

— Ученее нашего учителя? — В голосе мальчика проскользнуло недоверие.

— Ленин — учитель всех честных людей земли.

В моей голове — а этим несмысленышем был я — никак не укладывалась мысль о существовании такого удивительного человека, который ученее нашего школьного учителя и сильнее самого сильного арата в нашем аймаке. Но именно тогда я впервые услышал о Ленине — сыне великой и могучей России. Увидеть же русских мне удалось значительно позже.

...В юрте, где помещалась наша школа, царила тишина. Ее нарушал лишь взволнованный голос учителя, рассказывавшего нам о Петрограде 1917 года. Было так тихо, что слабый гул, как будто где-то в горах зарождается обвал, сразу услышали все. Он быстро усиливался, и вот уже вся юрта задрожала от необычного для наших степных мест рокота, приближавшегося прямо с неба.

Мы выбежали наружу и остановились как вкопанные. Прямо над поселком парила огромная зеленая птица.

— Не бойтесь, дети, это самый обычный самолет! — закричал учитель, чтобы остановить кинувшихся врассыпную мальчишек и девчонок, которые впервые в жизни увидели диковинную крылатую машину.

Лишь когда похожая на коршуна птица села за холмом и замолчала, мы, превозмогая страх, подошли поближе. Из самолета вышли люди в комбинезонах. Это были русские. Как мы с ними тогда понимали друг друга, осталось для меня загадкой и по сей день. Русские разбили за холмом палатку, и мы к ним бегали каждый день. Носили им молоко, кумыс. А однажды они подарили нам по небольшому значку, на котором был изображен профиль человека. Так мы впервые увидели Ленина.

Да, мы многое видели впервые. Монголия пробуждалась от сна средневековья. Новые будни ворвались в жизнь моего народа. На смену покорности и смирению, основным постулатам буддизма и ламаизма, на смену темноте пришли светлые и высокие идеалы социалистического возрождения.

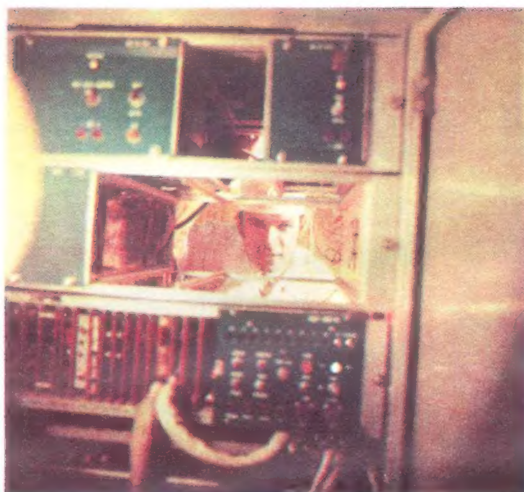
Те ребята, что прилетели к нам в далекие годы войны, были тоже комсомольцами. Я бережно храню подаренный ими значок с дорогим сердцу каждого из нас ленинским профилем. И хотя в наш монгольский ревсомол я вступил значительно позже, комсомольцем я считаю себя с тех самых пор, как на моей груди блеснул этот значок из великой страны Ленина.

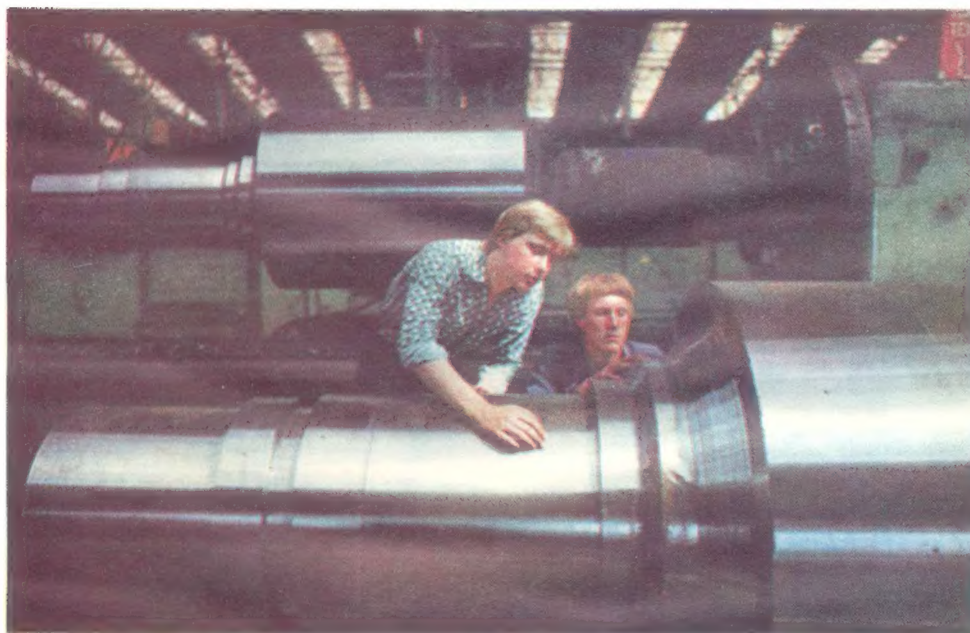
КОМСОМОЛА

АНКЕТА „РОВЕСНИКА“

ВЛКСМ XVIII СЪЕЗД

Молодые борцы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов считают Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи, объединяющий 36 миллионов юношей и девушек, своим верным и надежным другом. К его голосу с уважением прислушиваются как братские комсомольские и прогрессивные организации молодежи, так и те, кто не разделяет наших коммунистических идеалов. В чем же истоки высокого авторитета ВЛКСМ на международной арене? Нашими собеседниками на эту тему были руководители братских зарубежных союзов молодежи, а также вице-президент Международного союза молодых социалистов. Мы попросили их, в частности, припомнить свою первую встречу с советскими комсомольцами и с самим понятием «комсомол», а также попытаться выделить в характере советских комсомольцев черты, которые представляются им наиболее типичными, определяющими.





Вольфганг ГЕРКЕ, председатель Федерального правления Социалистической немецкой рабочей молодежи (ФРГ):

Само слово «комсомолец» и о тех, кого называют комсомольцами, я узнал в 1961 году из одной замечательной книги, которую мне дали почитать старшие товарищи — коммунисты. Этой книгой была «Как закалялась сталь». Многим из тех, кто в то трудное для партии время (тогда партия работала в подполье) вступил в ее ряды, силы и решимости придали герои Николая Островского.

Встречаясь как с руководителями Ленинского комсомола, так и с рядовыми комсомольцами, я смог узнать и оценить их коммунистическую убежденность, принципиальность. Это важнейшая черта, объединяющая все поколения советских комсомольцев — от корчагинцев до строителей БАМа. Общее в их характере также, конечно, мужество. Члены СНРМ учатся у советских комсомольцев упорству, настойчивости в достижении поставленной цели. Нам очень импонирует и еще одна их черта, очень, по-моему, молодежная, — азартное в лучшем смысле слова стремление к новому, неизведанному, воспетое во многих комсомольских песнях. Оно все время зовет советскую молодежь в дорогу, на новые стройки, которых так много в вашей стране. Сюда же по духу я отнесу и динамичность ВЛКСМ в вопросах политики, постоянный поиск путей, наилучшим образом отвечающих требованиям дня.

Комсомол — это организация, пользующаяся большим авторитетом в советском обществе, что отражено и в новой Конституции СССР. Вот еще одна причина того, что контактов с ним ищут зарубежные молодежные союзы самых различных направлений. Так, в последние восемь-девять лет стали развиваться отношения между ВЛКСМ и различными организациями ФРГ. Процесс этот был сложным, вокруг него было много споров и дискуссий. Что касается нас, СНРМ, то мы полностью поддерживали расширение круга контактов ВЛКСМ в нашей стране. Сейчас можно говорить о том, что советский комсомол пользуется большим авторитетом в самых широких слоях молодежного движения в ФРГ.

Хорхе ПЕРЕЙРА, генеральный секретарь ЦК Федерации Коммунистической молодежи Аргентины:

О советских комсомольцах я услышал в раннем детстве. Я рос в семье коммунистов. Отец и мать вступили в партию в 1941 году. Их рассказы о героизме советской молодежи на фронте запали мне в душу вместе со словами «комсомол», «Молодая гвардия».

Наверное, не только я, но и любой мой товарищ по организации скажет, что его привлекает в советской молодежи прежде всего ее верность делу рабочего класса, трудящихся. В этом, я думаю, следует искать корни преемственности подвигов, которыми прославились все поколения комсомольцев — от тех юношей и девушек, которые в гражданскую получали вместе с комсомольским билетом по сотне патронов, до сегодняшних строителей БАМа.

ВЛКСМ оказывает широкую и разнообразную поддержку всем демократическим, передовым силам. Его присутствие, его энергия и динамичность ощущаются постоянно в международном движении демократической молодежи. И в том, что его мнение повсюду уважают, прислушиваются к нему, нет ничего странного, так как его голос по справедливости отождествляют с голосом всего великого советского народа.

Мне навсегда запомнилось путешествие в Сибирь в 1975 году. Я ходил по стройплощадке Усть-Илимской плотины, удивлялся, как здорово работают комсомольцы, несмотря на сильный мороз. Я до сих пор не могу забыть их рассуждений и споров о том, на какую новую ударную стройку поехать после того, как будет завершена эта. Устьилимцы остались для меня символом нынешнего поколения Ленинского комсомола.

Джаятиллеке де СИЛЬВА, генеральный секретарь Федерации коммунистической молодежи Шри Ланки:

Кто бывал в нашей стране, мог убедиться, как популярен у нас Советский Союз и организация его молодежи — Ленинский комсомол. В 1959 году, когда я вступил в ФКМ, я черпал сведения о советском комсомоле главным образом из художественной литературы и стихов. Сегодня молодежь Шри Ланки имеет возможность гораздо лучше узнать вашу действительность благодаря личному общению в ходе обмена делегациями, благодаря широкой информации о Советском Союзе в нашей печати. Так что русское слово «комсомол» перестало быть для нас иностранным.

Корчагин, молодогвардейцы, Зоя Космодемьянская, Юрий Гагарин... Черты их характера наша молодежь ищет — и находит — в нынешнем поколении советских комсомольцев. Способность преодолевать любые трудности, бескорыстная готовность прийти на помощь попавшему в беду, интернационализм, желание добиться того, чтобы повсюду на земле воцарились мир и гуманность, — вот достоинства советской молодежи, за которые ее уважают в нашей стране.

Мы хорошо знаем, с каким энтузиазмом советский комсомол поддерживал вьетнамских братьев в их справедливой вооруженной борьбе, как он помогает социалистиче-

скому строительству на Кубе и в других странах, как, наконец, оказывает дружескую помощь молодежи нашей страны, нашей организации. Мы признательны ВЛКСМ за такой благородный подарок, как предоставление стипендий юношам и девушкам Шри Ланки для учебы в вузах СССР.

ВЛКСМ снискал авторитет у международного молодежного движения (которое без него и представить невозможно) сочувствием и пониманием угнетенных и эксплуатируемых отрядов молодежи, верностью делу мира и дружбы между всеми народами.

Маркку КЯРККЯЙНЕН, председатель Демократического союза молодежи Финляндии:

О советских пионерах и комсомольцах мне еще в детстве много рассказывали отец и мать. Оба они коммунисты с 1947 года. Кстати, моего года рождения. Я не раз бывал в вашей стране, у меня здесь много добрых друзей. По-моему, самый поучительный опыт Ленинского комсомола в наши дни — это ударные комсомольские стройки. Они воспитывают в молодежи коммунистическое отношение к труду, коллективизм, солидарность — важнейшие качества молодого коммуниста. Для любой прогрессивной организации молодежи изучение истории и современного опыта ВЛКСМ, безусловно, необходимо.

Мы никогда не забудем подвиг Ленинского комсомола в Великой Отечественной войне. Борясь с фашизмом, он, как и все советские люди, защищал не только свою страну, но и другие народы Европы. Мы считаем своим долгом рассказывать финской молодежи о жертвах, принесенных советскими комсомольцами во имя того, чтобы молодое поколение жило сейчас в условиях мира. Выполняя партийную программу борьбы за мир, разрядку и разоружение, Ленинский комсомол выступил с рядом важных инициатив. По его предложению состоялись многие международные встречи, семинары, симпозиумы. Мне хотелось бы назвать I Фестиваль советской и финской молодежи, состоявшийся в Финляндии в 1977 году.

Сейчас мы, члены ДСМФ, с интересом ждем XVIII съезд ВЛКСМ, тем более что он проводится в год 60-летия Ленинского комсомола. Позвольте уже сейчас через ваш журнал поздравить советскую молодежь с этими крупными событиями в ее жизни.

Хайме КАЙСЕДО, генеральный секретарь ЦК Коммунистической молодежи Колумбии:

В 1959 году я вступил в комсомол, и работа в нем открыла мне целый мир новых знаний, забот и переживаний, мир борьбы. Тогда же я узнал о существовании в Советском Союзе братской организации, такой, как наша, только гораздо большей.

Для молодых коммунистов Колумбии советский комсомол служит образцом боевой марксистско-ленинской организации молодежи, его богатый исторический опыт для нас большая ценность.

Знаете, что мне, латиноамериканцу, бросилось в глаза, когда я получше узнал советскую молодежь? Хотя прозвучит это противоречиво, я бы сказал так: спокойная страстность. Да-да, мы, латиноамериканцы, отличаемся как раз страстностью, но нам порой не хватает того уверенного спокойствия, с которым советская молодежь берется за самые трудные дела, самую рискованную работу. На меня всегда производили впечатление честность, простота в общении тех, с кем я встречался в Советском Союзе, их искренность в изъявлении своих чувств. Особенно радует искренность их солидарности с молодежью других стран, в частности с нашей.

Джон-Берг ЛАРСЕН, председатель Коммунистического союза молодежи Дании:

Когда у нас на Западе говорят о молодежи, то, бывает, не поймешь, о какой стране идет речь, если она не названа сразу. Настолько схожи портреты и проблемы современного молодого поколения в таких, казалось бы, совсем разных странах, как Дания и Франция, США и Япония, Англия и Люксембург. В самом деле, и социальная апатия, и крайняя раздраженность из-за неуверенности в завтрашнем дне в равной мере типичны для какой-то части молодежи всех капиталистических стран. И совсем не типичны для стран социализма.

Вот почему недостаточно сказать просто «молодежь» о юношах и девушках Советского Союза. Это **советская** молодежь. Ее место и роль очень отличаются от положения юношей и девушек в капиталистическом обществе.

Не может не удивлять энтузиазм, неукротимая энергия, которую проявляют юноши и девушки Советского Союза, решая задачи, поставленные перед ними народом, обществом. Советская молодежь располагает неоценимыми правами, которые обеспечивает ей советская демократия, — прежде всего правами на труд, на отдых, на образование, которых много лет добиваются их сверстники в капиталистических странах. Все эти блага советские молодые люди принимают как объективную данность социализма. И можно было бы подумать, что они недостаточно ценят это, если б мы не видели, с какой ответственностью они относятся к своим обязанностям перед народом, перед страной.

Эти творческие и чрезвычайно плодотворные отношения между обществом и молодежью в СССР и обеспечивают огромное уважение молодежи Советского Союза ее авангарду — Ленинскому комсомолу в международном молодежном движении.

Нам, представителям зарубежной молодежи, естественно, больше всего видна международная деятельность ВЛКСМ. Она может служить примером пролетарского интернационализма в действии. ВЛКСМ и борьба за мир во всем мире — понятия поистине неразделимые. В этом, пожалуй, объяснение той любви и уважения, которые питают к Ленинскому комсомолу юноши и девушки всей нашей планеты.

Джеймс СТИЛ, национальный председатель Союза молодых рабочих за освобождение (США):

Молодые коммунисты в США внимательно изучают работу советского комсомола по воспитанию молодежи в духе пролетарского интернационализма. Наш собственный опыт говорит: когда бы мы ни нуждались в помощи, советские товарищи не оставляют нас без поддержки. Присутствуя на молодежных конференциях и встречах в разных странах Азии, Африки, Латинской Америки, я много раз слышал от разных людей то же самое: на ВЛКСМ всегда можно положиться.

Я стал марксистом еще до того, как побывал в Советском Союзе. Но уже первая поездка в составе делегации США на I советско-американскую молодежную встречу в 1972 году дала мне много материала для размышлений. Я прикоснулся к истории и сегодняшним делам советского комсомола и почувствовал, говорю это с полной откровенностью, гордость за то, что у меня такие единомышленники — наследники поколения, сыгравшего историческую роль в разгроме фашизма, строители коммунистического общества.

Мы, американские коммунисты, считаем не только своей обязанностью, но и почетным делом как можно больше рассказывать нашей молодежи о жизни советского народа, комсомола. Я живу в стране, где молодое поколение бомбардируют всевозможной клеветой на СССР, прикрываясь разговорами о «борьбе за человеческие права». По-моему, ясно: прежде чем толковать о «человеческих правах», следует позаботиться о создании «человечного общества», которое их и обеспечит. Начало такому обществу положила 60 лет назад Великая Октябрьская социалистическая революция. Весь мир недавно был свидетелем всенародного обсуждения и принятия новой Конституции СССР. Она гарантирует, в частности, советской молодежи такие человеческие права, которые неведомы молодому поколению в США.

Наша молодежь видит в советском комсомоле естественного союзника по борьбе за прекращение гонки вооружений — одному из самых жгучих наших вопросов. Наша позиция ясна: без разоружения невозможно осуществить права американской молодежи, ликвидировать безработицу, устранить неравенство в системе образования и социального обеспечения. И молодые коммунисты Америки, и советские комсомольцы знают, что время работает на наше дело. И поэтому я бы сказал так: социализм нуждается в прочном мире, а мир нуждается в социализме.

Рейо ЛИНГРООС, вице-президент Международного союза молодых социалистов:

Влиянием и уважением на международной арене пользуются только те организации и лидеры, которые сильны, влиятельны и, главное, уважаемы в своих собственных странах. Это непреложный закон. Уже давно зная о той роли, которую советский комсомол играет в мире, я мог лишь догадываться о соответственно важной его роли в жизни Советского Союза. Позднее, познакомившись с ВЛКСМ на его родине, я не обманулся в своих предположениях.

Не говоря уже об огромном трудовом энтузиазме советской молодежи, который отмечают буквально все зарубежные гости, нас, молодых социалистов, впечатляет участие комсомола в превращении когда-то отсталой, полуграмотной страны в передовую державу современности, в страну, где учатся все, кто способен учиться. Молодежь капиталистических стран не может не позавидовать гарантированному праву каждого советского молодого человека на образование и получение любых знаний, любой профессии и квалификации.

Поддерживая довольно тесные и очень, мне кажется, хорошие связи с ВЛКСМ, Международный союз молодых социалистов использует их как для обогащения своей внутренней работы, так и для плодотворного сотрудничества в международном молодежном движении. Роль Ленинского комсомола в этом движении очень велика — как в кампаниях солидарности с молодежью стран, борющихся за национальное освобождение, так и во всемирной борьбе за мир, разрядку и торжество социальной справедливости. Все это, равно как и большая практическая помощь комсомола и всей советской молодежи своим зарубежным сверстникам, находит отражение во всемирном фестивальном движении молодежи и студентов. А сейчас, конкретно, — в подготовке XI фестиваля. Без участия советского юношества, Ленинского комсомола просто немыслимо ни движение всемирных фестивалей, ни другие широкие кампании борьбы и солидарности демократической молодежи мира.

Интервью провели Г. БОРИСОВ, В. КРЮКОВ, Б. СЕНЬКИН



СВЕРЯЯ С ВЕЛИКИМ ОКТЯБРЕМ

Некоторое время назад на одном машиностроительном предприятии в Англии молодым рабочим были заданы вопросы: чего они ждут от своей работы, к чему стремятся? Они ответили: хотим иметь интересную работу (66 процентов), хотим иметь возможность развивать свои способности и мастерство (57), хотим участвовать в принятии решений на предприятии (66). Примерно в то же время аналогичный опрос был проведен среди молодых рабочих тепловозостроительного завода у нас в Ворошиловграде. Результаты оказались почти такими же.



Этот пример приводился на Международной конференции «Октябрь, современный мир и молодежь», состоявшейся в ноябре прошлого года в Ленинграде. О чем он говорит? О том, что в конечном счете главные жизненные интересы молодого поколения во всех странах одинаковы или близки.

Констатация этой, в общем-то, всем известной истины — совсем не лишнее дело, коль скоро мы обращаемся к международной деятельности Ленинского комсомола. «Где нет общности интересов, — писал Ф. Энгельс, — там не может быть единства целей, не говоря уже о единстве действий». И ВЛКСМ выдвигает на первый план именно те интересы молодого поколения, которые сплачивают его.

Но эффективного единства невозможно добиться без учета специфических интересов отдельных отрядов молодежи. В этом сопряжении общих, стратегических и множества частных, тактических целей и задач отражается диалектика развития современного мирового молодежного движения. Давайте вернемся к примеру, с которого мы начали наш разговор. Дело в том, что одинаковые результаты дала только первая половина анкеты. Отвечая же на другие вопросы, молодые англичане заявили, что они не уверены в завтрашнем дне, опасаются безработицы. Только четыре процента опрошенных удовлетворены своей работой. Что же касается советских ребят, то две трети ответивших полностью довольны работой. Они уверенно строят планы на будущее — повысить квалификацию, получить среднее или высшее техническое образование. Большинство молодежи ворошиловградского завода активно участвует в обсуждении заводских планов, в принятии решений на своем предприятии.

Так что разница есть, и заключается она, что очевидно, не в различии стремлений молодых людей, а в различии возможностей их реализации. Подобные различия рождают специфику направлений молодежных движений и организаций в социалистических и капиталистических странах. Если первые борются за строительство коммунизма в условиях уже существующего социалистического общества, то вторые, живущие при капитализме, борются за общественные преобразования, которые для молодежи социалистического мира пройденный этап. Это обстоятельство объясняет различия в тактике, в выборе конкретных целей.

Ценность широкопредставительных форумов и кампаний, в которых Ленинский комсомол выступает как инициатор или активный участник, состоит в том, что они позволяют обменяться информацией, сопоставить различные точки зрения и выработать общую, приемлемую для всех линию. Это как раз и отмечалось участниками упоминавшейся выше ленинградской конференции, состоявшейся в рамках международной встречи «Октябрь и молодежь» и собравшей около 400 делегатов из 104 стран мира.

Конференция отразила повышенный интерес молодежи мира к 60-летнему опыту социалистического строительства и участия в нем молодого поколения Страны Советов. «Мы, советские коммунисты, — писал в приветствии участникам международной встречи «Октябрь и молодежь» Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев, — с глубоким удовлетворением отмечаем, что идеи Великого Октября вдохновляют революционную и демократическую молодежь всего мира, которая вместе с широкими массами трудящихся энергично борется против эксплуатации и власти монополий, за демократию, национальное освобождение и независимое развитие, за торжество прочного мира на земле».

Встреча в Ленинграде — один из самых крупных международных молодежных форумов 70-х годов — стала, как подчеркивали многие делегаты, новым этапом поисков форм сотрудничества молодежи всего мира. «Участники считают, — говорится в ее итоговом документе, — что в настоящих условиях чрезвычайно возрастает значение вклада всех демократических прогрессивных сил, и, в частности, демократического молодежного движения, в борьбу народов за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. Все демократические и прогрессивные силы различных политических и идеологических ориентаций в молодежном движении должны способствовать... широкому сотрудничеству международных и национальных организаций молодежи».

Для тех, кто приезжает к нам из стран, находящихся в орбите империализма, самые животрепещущие вопросы — это вопросы о политических, социальных и экономических правах молодежи. «На примере молодого поколения вашей страны мы видим, каких успехов можно добиться, осуществив эти права, — сказал корреспонденту «Ровесника» участник ленинградской встречи Саймон Мойо, представитель Союза африканского народа Зимбабве (ЗАПУ). — Нам придает новые силы сознание того, что те цели, которые мы ставим перед собой, не просто достижимы, но реально осуществлены в СССР».

О силе идей Октября, их роли в жизни лучших сынов самых далеких от нас народов рассказывается в публикуемом на последующих страницах очерке. На путь, проложенный Октябрем, становятся все новые молодые борцы за идеалы свободы и счастья людей труда. Своим естественным и верным союзником они считают полпреда советского юношества — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи.

ДВА БУКЕТА У МАВЗОЛЕЯ

Борис ГУРНОВ





Это путь многих... Хоть и родились они в разные годы и в разных странах, хоть по-разному складывалась их жизнь — одни из бедных семей, другие из обеспеченных, у одних университетское образование, у других самообразование, — но все они встали на этот путь. Они считают его прямой дорогой к справедливости. Они считают его единственно достойным для человека, выбравшего своим идеалом мир и социализм.

Это путь борьбы, путь Октября, путь Ленина. И один из многих, идущих по нему, — молодой костариканец по фамилии Чакон и по имени Ленин.

Звякнула защелка низкой металлической ограды Мавзолея. Сменившийся караул вскинул винтовки на плечо и, печатая шаг под мягкий перезвон курантов, двинулся к Спасской башне.

Среди людей, собравшихся посмотреть смену караула у Мавзолея В. И. Ленина, стоял невысокий молодой человек с аккуратной щеточкой усов на загорелом лице. Он стоял неподвижно и мял в руках меховую шапку.

Эту шапку ему подарили час назад на аэродроме. Самолет пришел в Москву под вечер, и московские друзья предложили отложить до утра все дела, в том числе беседу о программе пребывания в СССР. Гость согласился. Но уже в дороге попросил: «А нельзя ли прямо сейчас, по пути в гостиницу, заехать на Красную площадь? Хочется взглянуть на Мавзолей».

Бой кремлевских часов кончился, и толпа у Мавзолея рассеялась. А он все стоял и мял шапку.

— Ленин, — позвала девушка в белой меховой шубке.

— Моменто, — не оборачиваясь, жестом он попросил переводчицу подождать.

Этим именем он был назван дважды. Первый раз при рождении. Второй раз он взял его себе сам.

...В их доме всегда пахло кожей и клеем. Отец был сапожником, с малолетства работал на кожевенной фабрике в Сан-Хосе, но подрабатывал и дома. Как и его отец и как дед.

Коста-Рика в переводе означает «богатый берег». Так назвал эту страну Христофор Колумб, увидев ее плодородные земли, полноводные реки, густые леса с красным, эбеновым и розовым деревом.

За четыреста послеколумбовых лет здесь было открыто много других богатств. Но счастья эта страна так и не увидела. Захватившие ее испанцы почти полностью истребили коренных жителей-индейцев и стали привозить для работы на плантациях чернокожих рабов. Испанцев вытеснили англичане. Англичан — американцы. Их могущественная компания «Юнайтед фрут компани» стала почти полновластным хозяином страны. Урожаи бананов, кофе, какао «богатого берега» вывозились для продажи за границу, но вырученные за них деньги никогда не возвращались назад.

В 30-х годах нашего века костариканцы, работавшие на плантациях, взбунтовались. Они требовали человеческих условий жизни и справедливой оплаты труда. Сапожник Чакон, сам ревностный верующий, не мог понять, почему церковь, которая призывала к состраданию бедным и слабым, оказалась на стороне богатых и сильных, творивших зло, почему она не заступилась за бедных, требующих хлеба, когда их мирные демонстрации были встречены штыками.

Однажды знакомый механик на фабричном дворе незаметно сунул Чакону небольшую книжечку и сказал: «Почитай-ка на досуге». Чакон взглянул на обложку: «Коммунистический манифест» — и торопливо протянул книжку обратно:

— Святой отец говорил, что коммунисты плохие люди.

— По-твоему, и я плохой? — улыбнулся механик.

— Но ты же не коммунист.

— Ты уверен? — Механик подмигнул Чакону и сунул книжку в карман. — Ты все-таки почитай. Потом поговорим...

Потом они не раз и говорили и спорили. Были новые книги и газеты. Чакон узнал о Ленине. Раздобыл газетный портрет, наклеил его на картон и, вставив в рамку, повесил на стену — как раз напротив святой мадонны.

Механик был первым коммунистом на кожевенной фабрике в Сан-Хосе. Чакон стал вторым. Он организовывал демонстрации и забастовки, создавал общество друзей Советского Союза, помогал собирать средства в помощь республиканской Испании, сражавшейся против фашизма. И когда после женитьбы уехал к родственникам жены в провинцию, чтобы открыть там свою мастерскую, у него была еще одна, неизвестная другим цель. Он создал и возглавил в районе Сан-Исидро организацию коммунистической партии.

Когда у него родился сын, старшая сестра, учительница богословия, предложила готовить ребенка в священнослужители. Чакон промолчал. А на крестинах попросил падре вместо заранее утвержденного на семейном совете имени сына записать в церковную книгу необычное — Ленин. Он хотел, чтобы само имя, даже если он, отец, умрет, указывало сыну верную дорогу в жизнь.

В 1948 году, когда Ленину Чакону не было еще и года, в стране вспыхнула гражданская война. Пришедшая к власти хунта объявила вне закона партию Народный авангард Коста-Рики (такое название компартия получила в 1943 году). Сапожник Чакон, ставший к тому времени заметной фигурой в движении за земельную реформу, не успел скрыться. Его арестовали и бросили в тюрьму. Жену с годовалым ребенком приютила одна крестьянская семья. Ее попросили только об одном: чтобы не привлекать внимания полиции, называть сына не Лениным, а как-нибудь иначе, хотя бы Виктором — в знак будущей победы.

С этим именем он и рос, не подозревая, что по-настоящему его зовут совсем иначе. Ему было почти десять, когда однажды в церкви священник, отслужив молебен, поманил его пальцем и строго приказал: «Останься. Я хочу с тобой поговорить». Дождавшись, когда церковь опустела, старик сказал:

— Твой отец как был смутьяном, так и после тюрьмы им остался. Честь вашей семьи спасает твоя достойная и уважаемая тетя. И ты можешь стать достойным и уважаемым человеком, если посвятишь себя богу. Но я могу начать готовить тебя в священнослужители, только если твой отец отречется от того имени, которое он записал у меня в книге при твоем рождении.

Мальчик не понял:

— Чем плохо имя Виктор?

— Разве ты не знаешь своего настоящего имени? — Старик удивился. — Пойди спроси отца. Он назвал тебя Лениным по имени предводителя русских коммунистов, которые свергли царя и разорили церковь. Они ввергли Россию в беду, которая может перекинуться на другие страны. Сегодня многие забыли о твоем настоящем имени, но я помню. Могут вспомнить и другие, и тогда тебе придется худо.

Имя Ленин мальчик слышал и раньше в разговорах отца с друзьями. Видел среди бумаг отца наклеенный на картон портрет этого человека. Мать говорила, что до ареста отца этот портрет висел в их комнате напротив святой мадонны. Отец, который после освобождения из тюрьмы стал особенно молчалив, на вопрос сына о портрете коротко ответил: «Потом». Долго молчал. Затем сказал: «Вот подрастешь, и я расскажу тебе кое-что об этом человеке и о себе тоже...»

По отдельным словам, а больше по молчанию и взглядам мальчик понимал, что отцу совсем не по душе план сестры сделать из него священника. Виктор и сам не хотел носить сутану. Он мечтал стать ученым, знаменитым физиком или математиком, и давно собирался сказать об этом отцу. Теперь, после разговора со священником, он едва дождался, пока отец, придя домой с работы и поужинав, пошел, как всегда, в спальню слушать приемник.

Виктор вошел без стука. Знал, что отец все равно не услышит его, потому что приемник по вечерам он всегда слушал через наушники, отключив динамик. Отец сидел спиной к двери, слушал и записывал, видимо, то, что передавали по радио. Виктор тронул его за плечо, отец поднял голову и знаком дал понять: не мешай. Виктор, однако, настаивал: разговор у него неотложный. Отец снял один наушник и сказал:

— Разве не видишь — я занят? Срочная работа.

— У меня тоже срочное дело, папа. Скажи, это правда, что меня зовут Ленин?

Отец резко обернулся, снял оба наушника и, включив динамик радиоприемника, сказал:

— Садись и слушай. Я кончу записывать, и тогда мы спокойно обо всем поговорим.

По радио передавали речь. Кто-то, судя по голосу, молодой и сильный, выступал перед огромной толпой, которая часто шумела и аплодировала. Он говорил о том, что уже сделано и будет сделано народным правительством, чтобы на Кубе навсегда исчезли угнетение и бедность, неравенство и несправедливость. «И все это стало возможным потому, — закончил он речь, — что Куба первой в Америке стала на путь, указанный Лениным!»

Мальчик внимательно слушал. Это совсем не то, что говорил о Ленине старый священник.

Отец выключил приемник и обнял сына:

— Так от кого ты узнал, что у тебя есть другое имя?

— От нашего падре.

— Жаль, что он опередил меня. Я сам со дня на день собирался поговорить с тобой. Ты ведь уже почти взрослый и должен узнать, что я действительно назвал тебя Лениным. Я неспроста дал тебе имя этого человека. Хочу, чтобы ты старался быть достойным его и вырос хорошим, честным, настоящим человеком... Падре, наверное, наговорил тебе разной чепухи о Ленине. Только что по радио Кубы ты слышал о нем правду. Я постараюсь рассказать тебе побольше.

Отец и сын проговорили до полуночи. Наутро по дороге в школу мальчика окликнул священник:

— Виктор! Ну как? Поговорил с отцом?

— Да, святой отец.

— Так когда он придет ко мне менять твое имя?

— Он не придет, падре.

— Почему?

— Я сам этого не хочу. И всем скажу, чтобы теперь меня называли настоящим именем — Ленин.

— В таком случае, — взорвался священник, — я запрещаю тебе переступать порог моей церкви!

— Я и не собираюсь, — спокойно ответил мальчик.

С той поры он не ходил больше в церковь.

Ту девочку из соседнего класса друзья показали Чакону на перемене, и поначалу он не поверил, что такая маленькая, хрупкая, она могла встать на уроке географии и сказать учителю: «Неправда! Вы клевещете на Советский Союз! Это великая страна. Она спасла мир от фашизма и своим примером указывает всем путь к счастливому будущему».

Об этом в тот день говорили в колледже все. Чакон подошел к девочке и громко, чтобы слышали другие, сказал:

— Мария, ты молодец!

Она улыбнулась:

— Тебя, я знаю, зовут Ленин. — Наклонила голову и, понизив голос, сказала серьезно, почти строго: — Мне давно нужно с тобой поговорить. Жди сегодня после уроков...

В тот день Чакон узнал, что Мария — комсомолка, одна на весь колледж. Назавтра их стало двое. А через месяц в колледже уже существовала созданная ими организация «Единый молодежный фронт». Организация была легальной, нечто вроде ученического профсоюза, но никто не знал, что ее инициаторы, Чакон и Мария, — комсомольцы. Они же тайно подготовили в колледже газету, названную в честь главной газеты Советского Союза «Правдой». На первой странице первого номера была перепечатана статья из конституции Коста-Рики, гласившая, что все граждане имеют право свободно высказывать свои мысли. А коли так, говорилось в передовице, то наша «Правда» станет свободной трибуной для обсуждения учащимися всех проблем школьной и общественной жизни. В качестве приглашения к дискуссии шла статья Фиделя Кастро «О демократии».

— Мы и сами по сей день удивляемся, — признается теперь Чакон, — как нам без всякого опыта удалось написать, набрать, отпечатать и распространить те первые пятьсот экземпляров нашей «Правды».

Буквально по грошам были собраны деньги на покупку бумаги. Бессонными ночами написаны тексты статей. С помощью комсомольца, работавшего учеником в типографии, ночами, с огромным риском, тайно набирали и печатали первый восьмистраничный номер газеты. В колледже его расхватали мгновенно по десять сентимо за номер. Так у комсомольцев появился первый «оборотный капитал», и следующие номера газеты стали уже выходить тиражом в тысячу экземпляров.

Встревоженная администрация колледжа сбилась с ног в поисках таинственных издателей. Не вытерпев, директор вывесил на доске объявлений открытое письмо «От директора колледжа редакции газеты «Правда». Чакон читал его, стоя в толпе

учеников, и чуть не прыгал от радости и гордости за успех: «Нас воспринимают всерьез!» Более того — в обращении директора чувствовался страх перед нежданно появившейся «Правдой».

Директор писал, что он «безгранично уважает» свободу печати и свободу выражения учащимися их мыслей, но хотел бы все-таки предостеречь неизвестных ему редакторов газеты, что их свободолюбивые помыслы, в искренности которых он не сомневался, могут быть использованы «недобросовестными людьми» во вред государству, народу и стране. Намек на коммунистов был весьма прозрачен. И следующий номер «Правды» вышел с резким ответом директору. Редакторы писали, что, несмотря на свою молодость, они умеют различать добросовестных и недобросовестных людей и отлично понимают, что интересы буржуазного государства далеко не совпадают с интересами трудового народа. Рядом печаталась статья Хосе Марти[1] на эту тему.

После успеха с выпуском газеты комсомол поручил Чакону организовать демонстрацию молодежи против визита в страну президента Гватемалы, где демократические силы подвергались жестоким репрессиям. О той демонстрации в стране потом вспоминали несколько лет. Для Чакона тот день памятен первым арестом. По молодости лет его продержали в полицейском участке недолго. Выпуская юношу, полицейский офицер сказал: «Надеюсь больше с тобой не встретиться». — «И я надеюсь, — подчеркнуто учтиво поклонился Чакон. — Постараюсь больше не попадаться».

Вечерами он рассказывал отцу о своей работе в подпольной газете, в молодежной организации колледжа, в комсомольской организации того района, где они жили.

— Не много ли для тебя? — обеспокоенно спрашивал отец. — Как с учебой?

— Нормально, — коротко отвечал сын.

Но однажды вечером, решившись, сказал:

— Все-таки, папа, не наука мое призвание. Я хочу быть ближе к простому народу. Уйду из колледжа и стану рабочим.

Он замолчал, ожидая взрыва отцовского гнева. Но отец, как в тот день второго обретения имени Ленин, обнял его и сказал:

— Молодец, малыш. Я горжусь тобой.

Так в четырнадцать лет Ленин Чакон стал рабочим.

Как-то его пригласил один из видных коммунистов, Арнольдо Феррето.

— Мы помним, как ты в двенадцать лет тайно издавал газету, — сказал он. — Хотим предложить тебе работу в подпольной типографии партии. О том, какое значение имеет регулярный выход нашей газеты и книг, тебе, я думаю, объяснять не надо. Ну а в случае провала тебя ожидают, как минимум, два года тюрьмы. Это ты тоже знаешь.

— Спасибо вам за доверие, — ответил Чакон. — А что до тюрьмы, то я уже побывал в полицейском участке. Правда, совсем недолго, но достаточно, чтобы понять, что это не сахар. Однако выжить можно. Постараюсь все же в интересах дела туда не попадать. Тем более что я обещал это полицейскому офицеру.

— Чувство юмора — хороший помощник в серьезных делах, — улыбнулся Феррето. — Придумай себе подпольную конспиративную кличку и завтра приступай к работе.

— Я возьму свою старую — Виктор.

— Откуда она у тебя? В твои-то годы когда тебе успели ее дать?

— В годовалом возрасте, когда я только-только начинал ходить...

— Шутник ты, — Арнольдо Феррето встал и пожал Чакону руку. — Желаю удачи, Виктор. Работа тебя ждет не шуточная.

Типография, хотя и называлась передвижной, состояла из тяжелых машин. Помимо веса, у них был еще один недостаток — шум. И потому приходилось постоянно перевозить их с места на место. Типография была рассредоточена. Отдельные машины работали по разным адресам, и курьеры переносили рукописи и гранки от одного места к другому.

Однажды, когда Чакон выполнял такое задание, его остановил полицейский патруль.

— Вы не имеете права меня задерживать! Мой отец будет жаловаться начальнику полиции! — Чакон решил сыграть сынка из богатого дома.

— Для вас это пустая формальность, молодой человек, — козырнул полицейский офицер. — Нам стало известно, что в этом районе действует коммунистическая типография. Я поклялся изловить ее связных и поэтому, извините, вынужден проверять всех прохожих. Будьте любезны открыть ваш портфель.

В портфеле были образцы двух новых книг компартии и только что отлитые свинцовые строчки газетного подзаголовка. Офицер протянул руку:

— Позвольте, сеньор, я помогу вам открыть замки...

Юноша похолодел. «Пропал», — подумал он. И вдруг к нему откуда-то пришло спасительное спокойствие, он произнес безразлично:

— Пожалуйста, посмотрите. Вот учебники, а это запчасти для папиного «мерседеса». Выписаны из Европы. Наш шофер заболел, и я захватил эти железки, чтобы по дороге отнести в гараж сеньора Карлоса. Там ремонтируется наша машина. Это за углом на соседней улице. Если хотите, можете пройти со мной и проверить...

Офицер козырнул снова:

— Нет-нет, зачем же, я вам верю. Можете идти.

Чакона спасло хладнокровие. И еще то, что офицер не разбирался ни в автомобильной, ни в типографской технике. Свинцовые строки набора лежали в портфеле шрифтом вниз. Стоило офицеру взять их в руки и перевернуть, он при всей своей технической неграмотности понял бы, что это такое, ибо без труда прочел бы в зеркальном изображении: «Еженедельная газета — орган Партии Народный авангард Коста-Рики».

...Ленину Чакону неполных тридцать, а в волосах уже серебрится седина. Не после таких ли вот случаев?

— Трудно сказать, — ответил он. — Рисковать приходилось часто. Была, например, такая история. Однажды по доносу предателя арестовали хозяина квартиры, где стояла машина нашей типографии. Нас не смогли предупредить вовремя, и мы продолжали спокойно работать. Узнали о провале за считанные минуты до прибытия полиции. Можно было бросить машину и скрыться, и никто нас за это не упрекнул бы. Но без той машины перестала бы выходить наша газета, и мы решили спасти ее во что бы то ни стало. Успели все погрузить и уехали в похоронном катафалке буквально за несколько секунд до того, как в дом ворвался полицейский наряд.

Чакону исполнилось шестнадцать, когда он вместе с четырьмя товарищами был опять арестован при выполнении задания партии. Это случилось в 1964 году, когда борьба демократических сил начинала приносить результаты. Партия Народный авангард Коста-Рики, правда, не была еще признана официально, но уже действовала открыто.

— Узнав об аресте, товарищи организовали выступления в нашу защиту. Следователи пытались вырвать у нас признание, будто мы выполняли приказы из Гаваны или даже из Москвы. Когда на тюремщиков не подействовали обычные методы публичных выступлений и парламентских запросов, коммунисты обвинили полицейские власти в похищении пяти человек. Общественное мнение было за нас. Ведь нас почти месяц держали в тюрьме без предъявления обвинения и каких бы то ни было улик. На двадцать восьмой день нас, наконец, выпустили на свободу.

После возвращения в Сан-Хосе Ленин Чакон был избран в Центральный Комитет комсомола. Генеральным секретарем ЦК коста-риканского комсомола, который официально называется Авангард молодежи Коста-Рики, он стал в 1975 году. Тот год был особенно радостным для Чакона и всех его друзей: наконец-то партия коммунистов добилась полной легализации. Она стала официально участвовать в выборах и имеет теперь своих депутатов в Законодательной Ассамблее.

Вечером в гостинице «Орленок», что на Ленинских горах, мы стояли у окна, за которым мерцало бескрайнее море московских огней.

— Просто не верится, — задумчиво произнес Чакон. Повернулся к нам, вынул из кармана свой заграничный паспорт, открыл на первой странице: — Читайте.

«Этот паспорт, было напечатано там, — годен для поездок повсюду, кроме Кубы и других стран за железным занавесом».

— Он старого образца, — объяснил Чакон. — Мне его выдали несколько лет назад. В новых паспортах этого текста уже нет. И это тоже одна из наших побед.

...Над Красной площадью снова плыл мягкий перезвон кремлевских курантов. Утром Чакон снова пришел к Мавзолею Ленина. По дороге на Красную площадь он попросил заехать в магазин и купил большой букет ярко-красных гвоздик, который на оставшемся пути в машине аккуратно разделил пополам.

— Мой отец умер счастливым человеком, — говорил Чакон, когда мы шли по блестящей брусчатке площади к Мавзолею. — Он успел увидеть первые успехи дела, которому отдал все свои силы. Увидел, что его дело продолжают дети. Он мне говорил перед смертью: «Единственное, о чем жалею, — так и не съездил в Москву, к Ленину».

Мы подошли к низкой металлической ограде Мавзолея, когда до смены караула оставалось добрых полчаса. Никто еще не толпился там. Чакон подошел к калитке один и стал неподвижно, словно третий часовой.

Он долго стоял так — не шелохнувшись, не обращая внимания на снег, падающий на его непокрытую голову. Затем медленно шагнул вперед, нагнулся, положил один букет алых гвоздик на мрамор ступеней, отступил на шаг и замер, низко склонив голову.

Снова долго стоял, потом еще раз шагнул вперед, положил рядом с первым другой букет, отступил и поклонился снова.

---

[1] *Хосе Марти (1853—1895) — национальный герой Кубы, революционер и писатель, идеолог и организатор освободительной борьбы против испанского господства. — Примеч. ред.*

МОЛОДЕЖЬ, КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР
КИЕВ-77

КУЛЬТУРА. ЧЬЯ ОНА И ДЛЯ КОГО ОНА?



В Киеве, на международном семинаре «Молодежь, культурное наследие и современность» один из выступавших привел слова киргизского писателя Чингиза Айтматова: «Современники — это не только физически живущие в одно время люди, но и, что важнее всего, это люди, для которых характерны общие черты мышления. Это прежде всего способность и умение мыслить на уровне передовых промышленных идей, мыслить планетарно, это, по существу, подлинный интернационализм, подлинное уважение к самобытности культур, национальных языков, художественных ценностей, выработанных всеми народами. И, наконец, это умение мыслить перспективно, различая в сегодняшнем дне тенденцию дня завтрашнего; понимание современности именно в этом аспекте — чрезвычайно важно. Если оно станет второй природой человека, его новой натурой, оно-то и явится одной из надежных гарантий мира на земле».

В Киеве в июне прошлого года в семинаре, организованном КМО СССР при поддержке ЮНЕСКО, участвовали делегаты от национальных организаций 28 стран мира и четырех международных. Это были молодые люди, современники непростых 70-х годов, современники близящегося XXI века. Не возраст гарантировал им эту будущую их современность, а черты их мышления, их убежденный интернационализм и уважение к культуре других народов, их стремление различить тенденции завтрашнего дня.

Можно определенно сказать, что на семинаре практически совсем не обсуждалась одна кардинальная проблема: существует ли в мире стремление, тяга молодежи к культуре? Само молодое поколение давно разрешило ее, сделав это стремление своей отличительной чертой. Потому главными стали вопросы о возможностях приобщения молодежи к культуре в странах разных общественных систем, о сложной сути культуры, о судьбах развития ее в меняющемся, противоречивом мире.

Парти Тимонен из Финляндии говорил: «Передо мной выступал советский товарищ и очень интересно рассказывал о празднике пушкинской поэзии, состоявшемся на БАМе. Мне подумалось, что в Финляндии человек, который отправляется из своего родного города в другие края искать работу, редко имеет возможность участвовать в таком празднике. Таким образом, этот рабочий получает и очень маленькие возможности для своего культурного развития. В основном в данном случае можно говорить о массовой культуре. Вообще нам нельзя забывать, что культурное развитие — процесс общественный и общественно организованный; он находится в тесной связи с политикой и с жизнью общества в целом».

Парти Тимонен затронул вопрос, о котором много говорилось на семинаре. Коротко он может быть определен как вопрос о возрастающем значении культуры в формировании мировоззрения, но аспекты его многогранны. Известно, к примеру, сколь популярна сейчас в буржуазных странах теория конца идеологии: человеку, внушает эта теория, не нужна идеология, потому что всякая идеология — ложь, она, дескать, искажает и упрощает картину мира. Все эти рассуждения о «деидеологизации» — и об этом говорили многие выступавшие — не больше и не меньше как буржуазная идеология, не блещущая особой новизной: разве впервые буржуазное общество твердит о конце всех духовных ценностей? Практика показывает, что подобные теории — далеко не академические упражнения буржуазных идеологов, они направлены на точно рассчитанные цели: борьбу с демократической, рабочей культурой под флагом «деидеологизации» и «абсолютной свободы» обмена идей. Шумные пропагандистские кампании в «защиту прав человека» и новейшие теоретические рассуждения об «абсолютной свободе творчества» сто́ят друг друга — и те и другие используются буржуазией для достижения своекорыстных политических целей.

«Но свобода, — говорил делегат-чилиец, — не летящая в воздухе птица. Свобода для кого? Свобода для чего?»

Леонарда Мабасси, Конго: «Французы были нашими колонизаторами в течение 80 лет. Во Франции имеется, естественно, широкая сеть театров, но они не захотели построить ни одного театра для конголезского народа. Лишь в школе конголезцы слышали, что существуют театральные пьесы».

Артур Ньюоленд, Ямайка: «400 лет угнетения привели к тому, что империалистам принадлежит контроль над основными областями экономики страны. Эти 400 лет довели нас до такого положения, при котором четвертая часть населения безработна, треть молодежи школьного возраста не имеет возможности учиться, 50 процентов молодежи старше 15 лет неграмотно, менее одного процента населения сумело получить высшее образование...»

Известное положение В. И. Ленина о существовании двух культур в буржуазном обществе — культуры демократической, рабочей и культуры буржуазной — нашло свое документальное подтверждение в выступлениях как делегатов из стран развитого капитализма — Западной Европы и США, так и в рассказах представителей развивающихся стран.

Особый акцент участники семинара делали на необходимость сочетать борьбу за демократическую культуру с борьбой за утверждение принципов разрядки, духа Хельсинки. «Империализм твердит нам, — говорил делегат из Перу, — что развивающиеся страны не имеют ничего общего с процессом разрядки. Мы же считаем, что наш долг — объединить усилия в борьбе за истинную культуру в нашей стране с культурным движением всех демократических сил мира».

«Разрядка, — резюмировал чилийский участник семинара, — неотделима от культуры и, наоборот, развитие разрядки возможно по мере того, как рабочая, демократическая культура во всем мире приобретает силу».

Обращаясь к советским делегатам, участникам семинара из социалистических стран, Рикардо Арайя из Коста-Рики говорил: «Ваши страны имеют счастье первыми пользоваться всеми благами социализма и сейчас работать над очень важной задачей формирования облика нового человека. А в силу этого и в силу своей интернационалистической функции социалистические страны играют большую роль в культуре».

Под аплодисменты всех участников семинара он сказал в заключение: «То, что мы собрались здесь, обменялись мнениями по вопросам, столь важным для нашей борьбы, и смогли прийти к важным для себя выводам, это прежде всего результат солидарности советского народа, последовательной интернациональной политики советского комсомола. Хочу поздравить советский комсомол с тем, что он так отмечает 60-летие Великого Октября и свое собственное 60-летие. Спасибо комсомолу за солидарность с молодежью всех стран».

О трудных путях демократической культуры в стране апартеида рассказывается в последующем интервью.

„НА УЛИЦАХ, ГДЕ ПУЛИ...“

И. ГОРЕЛОВ,
наш спец. корр.







Культура в нашем мире не только в школах и библиотеках, но и в образе жизни людей и народа. Она в образе мышления людей и мировоззрении классов и партий.

Потому-то культура сегодня и на баррикадах. Не все решают пули и тюрьмы. Есть еще твердость духа, вера в конечную победу, ощущение единства с миллионами людей на всей земле, исповедующих ту же культуру, что и южноафриканка Линдиве Мабуза.

Тут ниже пойдет разговор о культуре как предмете мировоззренческом. Культуре как совокупности ряда общественных явлений — философии, идеологии, искусства, морали, традиций; явлений, объединяющих знания и накопленные предыдущими поколениями ценности, при этом умещающиеся в одном человеке. К которому я сейчас хочу подойти.

Я выбирал этого человека недолго: в списках участников киевского семинара против имени ее — Линдиве Мабуза — стояло всех нас сегодня тревожащее и будоражащее — как наплывом в кино — название страны: ЮАР.

Днем я прикинул разговор, куда он может потечь и на какие запруды наткнуться, и, прикидывая, еще раз убедился в том, что этот разговор — говори мы при этом о чем угодно — будет о культуре. Ведь, в сущности, мы будем выяснять не столько круг знаемого (я и не представлял тогда, какой мне предстоит экзамен), сколько наши личные взгляды на одинаковые предметы, события и понятия; их совпадения и отклонения. Мы должны были, короче, сверить наши точки зрения, а ведь они не только выражение нашей личной культурности, в них, пусть мы и не задумываемся о столь масштабном, и наше прошлое и прошлое страны, наше отношение к широкому миру, наши политические и социальные пристрастия. Так оно случается всегда, достаточно нам задним числом проанализировать любой наш, даже малозначительный разговор; при общении же с людьми из далеких стран весь этот срез культурных слоев читается особенно ясно и значительно...

Был вечер после шумного и солнечного дня, первого дня в Киеве, ошеломившего гостей своими избранными красотами. В темноте под легким ветром с озера тихо качали верхушками сосны, по извилистым дорожкам парка бродили разнокожие люди, неспешно, будто восстанавливали дыхание после дневного забега. Некоторые уже потянулись к бару, где оркестр, разминаясь, заиграл какой-то первый и тоже неспешный танец. И я пошел туда же, поскольку встреча там и была назначена.

Линдиве Мабуза сидела не одна. Напротив — переводчик и журналистка. Дело было плохо, меня опередили. Когда интервью закончилось и Линдиве осталась одна, стало ясно, что она устала — от бурного дня да еще от этого неожиданного интервью. Линдиве сидела откинув-

шись, неспешно обводя взглядом зал, без интереса к нему и слушая только себя.

— Мы поговорим о ЮАР? — бодро предложил я Линдиве и пододвинул ей чашку кофе.

— Да, но... — несчастно улыбнулась она в ответ.

— Давайте поменяемся ролями: говорить буду я.

— Хм? — слегка заинтересовалась предложением Линдиве.

В общем-то Линдиве шла из бара неустроенная и растерянная: поймали ее врасплох, на реакции (про себя она уже было решила перенести интервью), подхватили чашки, ее как-то нечаянно заставили подняться, и вот она, тяжко шмыгая босоножками без каблуков, бредет в холл. Где ни музыки, ни светоигры, ни отдыхающих от дневных впечатлений лиц — где только (как говорят в ЮАР — брр?!) опять корреспондент напротив. Но Линдиве встала, пошла и села, и глаза ее за этот короткий путь менялись. В них усталость, а может, и вечерняя лень, расслабленность исчезли. Какие-то силы вновь появились в ней, это и в фигуре и глазах было видно. И видно было, что это возвратившееся к ней состояние активности, любопытства и даже твердости привычны для нее, идут ей. Такова была ее натура. Культура, если хотите.

Первая чашка кофе

— Я, собственно, что хотел? Хотел представить себе среднего жителя ЮАР, чернокожего. Правда, я не очень знаю, кто он, средний, — наемный рабочий плантаций, горняк, служащий или рабочий в городе и одновременно житель пригорода?

— Попытайтесь...

— Видите ли, я хотел представить, какое он, средний, имеет отношение к культуре, а она к нему; да и какая это культура?

— Интересно...

— Тут вроде бы такие сначала надо кирпичи положить. Во-первых, история этого человека, его наследие. Тем более оно разное у разных племен и этнических групп.

— Несомненно...

— Извините, я не специалист... но вы принадлежите к одному из племен банту?

— Положим...

— Еще раз рискну: зулу, зулуска?

— Да...

(Чудеса догадливости объяснялись просто: как-то мне довелось редактировать рукопись о зулусах, а в традиционной Африке прически, одежда, украшения или рубцы на щеках и лбу — не хуже паспорта.)

— Вот тогда об этом. О зулусах, о Чака-Зулу... — И я рассказал Линдиве о том, как я все это представляю. Если коротко. то примерно вот что...

Чака-Зулу, его последователи Дингаана, Кетчвайо — это уже часть мировой истории и мировой культуры. Чака не только объединил зулусские племена, но и создал в прошлом веке на территории Юго-Восточной Африки стройную государственную систему с развитыми общественными, хозяйственными отношениями, наладил систему торговли и обмена с соседними племенами; от великого вождя Чака пошло и гражданское самосознание зулусов, ощущение общности целей не семьи, клана, племени, но всего государства, всей народности. Особенно велики заслуги Чака были в военном деле: империя Чака не знала поражений до прихода европейских войск. Короче, это было развитое для Африки того времени государство, и нет на свете народа, для культуры которого вершины прежних государственных достижений навсегда бы скрылись в тумане времени. Представить ли Россию без Великого Новгорода, без Куликова поля или Петра?!

- Ясно ведь, что их наследство, как ни трагически для зулусов и других племен юга Африки сложилась история, не пропало бесследно для нынешней культуры среднего африканца.

— Это не все наше прошлое...

— Конечно, конечно, и не так все просто: их «послание» не дошло из прошлого века в наш в аккуратной бандероли. Все три вождя — Чака, Дингаана, Кетчвайо — поочередно пытались наладить контакт с белыми поселенцами, подступавшими к границе их государства с юга и запада, заключать договоры, организовать торговлю. И все трое колониалистами были коварно обмануты и преданы.

Преданы были все — не только зулусы, но и гереро, готтентоты, коса, суто, машона... Подкуп отдельных вождей, насильно или обманом заключенные договоры о «защите» и «протекторате» отдельных племен, заведомо непосильные контрибуции и стравливание соседей, наконец, самые заурядные, без всякой выдумки карательные экспедиции — вот та «новая культура», с которой не по своей воле познакомились африканцы юга. Она пришла к ним с ружьями и пушками против копий-ассегаев и деревянных щитов. Она не пришла тогда к ним — не могла прийти — в своем самом достойном виде: просвещении, гуманности, солидарности, сочувствии. Хотя и в этом была европейская культура. Европа вела войны на уничтожение и закабаление, но храбростью зулусских войск в борьбе с англо-бурскими захватчиками восхищался великий европеец Фридрих Энгельс. Владимир Ильич Ленин в «Опыте сводки главных данных всемирной истории после 1870 г.» записал: «1904—1907. Война с гереро». С этим племенем сражалась уже не европейская Британия, а европейская Германия. Германия Бисмарка. Она несла «культуру» в Юго-Западную Африку.

— С тех пор немало времени прошло. История знает примеры, когда народы, начавшие общую жизнь с вражды, находили потом иной образ жизни, находили в двух своих культурах те черты, которые могли объединить их.

— Увы, так не всегда случалось...

— Понятно, что тьма примеров к обратному: примеров подавления одного народа и одной культуры другим народом и другой культурой. ЮАР же вообще почти исключение из мировой истории — апартеид, так называемое «раздельное развитие рас».

Отправляясь в последнюю экспедицию (20 тысяч солдат, 36 пушек) против зулусов, верховный комиссар Капской колонии записал в 1879 году: «Я не вижу иного выбора, отвечающего нашим обязанностям, кроме окончательного подавления зулусов, чтобы затем управлять ими так же, как и другими южноафриканскими расами». После успеха экспедиции англичане, опасаясь возрождения Зулуленда, разделили его на 13 «независимых государств» во главе с преданными им вождями (один из вождей был, кстати, урожденный англичанин). В понятие английской цивилизации, то есть культуры, всегда и прочно входило слово «независимость»; могла ли Англия в своей миссии «окультуривания» диких кафров не одарить и их «независимостью»! В результате последовало три года кровавой междоусобной войны зулусских «государств». В результате последовало заключение трех четвертей населения Южной Африки в сотне резерватов, занимающих около 10 процентов земельного фонда страны — наверное, именно столько негодных для жизни земель, пустынных, заболоченных, каменистых, нашли в этой стране белые поселенцы, отлично разбиравшиеся в культуре сельскохозяйственного и горнорудного производства. Не все, конечно, африканцы живут в резерватах, они нужны как батраки в поместьях — и живут в огороженных жалких деревнях; нужны на рудниках и заводах на черную работу — и живут в бараках и бидонвилях; нужны для обслуживания больших городов, их домов, улиц, промышленности — и живут в специальных пригородных гетто, живут, наверное, получше, чем их собратья в других местах, — все же это рядом с городом, материально воплощенной культурой белых, все же это слишком бы бросалось в глаза; так что живут они в нечто напоминающем дома. Годы не прошли даром. Раньше, когда ЮАР еще была Южно-Африканским Союзом, была под Англией, там затраты на образование распределялись так: школьник-европеец — 160 шиллингов, индийцы, мулаты — 42 шиллинга, банту — 6 шиллингов 11 пенсов. Сейчас есть школы для африканцев, есть даже университеты. Для немногих, правда, особенно если брать этнический состав населения в пропорции, но есть. Но то, что раньше можно было представить даром, теперь выглядит тем, чем и является: подачкой. Африканцы — зулусы ли, гереро, готтентоты, бушмены, коса — уже не те; они знают, кем созданы богатства страны. А это знание, помноженное на гордость ощущения в себе человека, побуждает мечтать не только о сносной материальной жизни, но и культуре, о достойном месте в обществе. XX век всепроникающ! Он ведь и в распространении массовой культуры, он и в ширящемся влиянии демократических и социалистических идей.

Вот примерно о чем мы говорили с Линдиве Мабуза. Хотя, конечно, все это лишь конспект длинных рассуждений о том, как и из чего складывался (или мог сложиться) культурный мир среднего чернокожего южноафриканца и какое влияние на формирование этого мира оказывали самые противоречивые силы.

— Ведь вполне можно допустить, Линдиве, что в культуре среднего южноафриканца, о котором мы говорим, немалое место занимает ненависть по отношению к культуре европейской, своего рода расовый национализм...

— Хм...

—...и что не так уж мало должно быть среди вас людей, пестующих в своей душе лишь то, что считается традиционным, национальным, своим в противовес всему, что целый век было враждебным, чуждым, пришлым. С другой стороны, есть, наверное, люди, на корню «купленные» западной массовой культурой, ориентирующей вкусы, привычки, воззрения на рыночные ценности. То есть люди с психологией современного «дяди Тома», ожидающего за свое терпение магазинных благ... Вот сколько вопросов, Линдиве; я вижу, вы улыбаетесь, наверное, потому, что в жизни этого среднего южноафриканца все, может, это и не так, а проще или сложней, и вы, наверное, уже многое мне объяснили бы...

— Да, но...

— ...конечно, конечно... Если б я вас не перебивал, верно. Но я и не буду больше. А то вы начнете спрашивать себя о моем культурном уровне. Я лучше схожу за кофе.

Вторая чашка кофе

Кофе дымился, и мы погнали мяч разговора в другую сторону.

Она давно не говорила. Начала она тихо, и тембр ее голоса был необычен: низкий и ровный, поначалу без модуляций. Я слышал такие голоса африканцев, у нас таких не бывает. Другая культура, что ли?

— Я родилась с братом в семье нежеланных людей. У нас, знаете, это часто бывает: он и она должны иметь разрешение на право жить в одном месте, его не так легко получить приехавшему на заработки.

Такая ситуация, кстати, предусмотрена культурной политикой расистов ЮАР: наемные рабочие рудников, прибывающие из резерватов, не имеют права брать с собой

семьи или обзаводиться ими на новом месте. Так расистам кажется надежнее: вокруг промышленных зон не создается прочных больших коллективов рабочих; все временные, а далекие семьи — почти заложники.

— Отец матери работал на руднике. Добывал золото, каждый день держал его в руках, а умер от силикоза. Кстати, в африканских языках такого слова нет, — грустно улыбнулась Линдиве. — Потом мы жили в Ньюкасле, мать работала в доме белых служанкой. Там же я окончила школу...

— А школа...

— Да, школа была сегрегированная, то есть только для черных и со специальной программой. Потом колледж в Лесото. Мать хотела, чтобы я стала медицинской сестрой, но я выбрала филологию, языки — зулу и английский. Уже позже наша партия — Африканский национальный конгресс[1] — помогла мне с продолжением учебы. Я поехала в Нью-Йорк, в Колумбийский университет. Сейчас работаю в Лусаке — это Замбия, в женской секции при нашей партии, работаю также в журнале и на радио, ведущем передачи через границу на ЮАР.

— И, как я знаю...

— Да, еще пишу стихи. Теперь о том, что вы говорили. Понимаете, это сложный, мучительный для нас вопрос. Вопрос о наследии, которое оставила нам история. Наверное, это личная моя особенность, но я не люблю об этом много думать, не хочу останавливать внимание. Но приходится. Если в двух словах, то история, которую наш народ прожил, — это история сознательных попыток колонизаторов противопоставить племена друг другу и всем другим народам, расам, всему интернациональному. Мы единый народ — так мы на себя сегодня смотрим, но именно поэтому мы не хотим потерять для нашей будущей истории ни одного языка. Тут нет противоречия — африканское общество, состоящее из множества племен, традиционно коммунально. «Поделись едой с пришельцем» — этот завет предков найдешь во всех языках... У нас есть поговорка, которая, наверное, странно звучит на другом языке: «У ноги нет носа».

— Как-как?

— Ну, нет носа у ноги, — сказала, улыбаясь, Линдиве и даже высунула ступню из-под своего длинного одеяния. — Это значит, человек должен ходить по миру доверчиво и рассчитывать на доверие других.

— Хорошо им было, предкам...

— Верно, ступать нынче приходится с осторожностью. Вот вы говорили о Чака. Он и в самом деле наш национальный герой. Но ведь английские и бурские реакционные историки изображают его и Дангаана тиранами, бессмысленными и жестокими людьми. Это просто делается, вот, дескать, казнил того, другого... Но ведь нравы африканского общества прошлого века, тем более в такой критический период ломки, перестройки, не очень-то походили на нынешние. Это нужно учитывать. Вот нравы расистов, эти не изменились: и тогда стреляли в африканцев из пушек и ружей, и сегодня стреляют.

— Вы о...

— Да, и о Соуэто тоже. И о тех патриотах, что убиты палачами в тюрьмах.

Мы говорили с Линдиве в июне, а в середине сентября мир был потрясен убийством двадцатого по счету политического заключенного — Стива Бико, руководителя организации ненасильственных действий «Самосознание черных» и лидера африканских студентов. Он стал двадцатой жертвой «Закона о борьбе с терроризмом» (закон разрешает подвергнуть любого цветного тюремному заключению на неопределенный срок) и «Закона о внутренней безопасности», дающего те же права в руки министра юстиции, полиции и тюрем Джеймса Крюгера — абсолютно оголтелого расиста и убежденного фашиста. К 30 сентября прошлого года на основании этих законов он упрятал в тюрьмы более 600 человек.

Мир культуры, культурное наследие и современность... Какое наследие, какая культура при такой кошмарной современности!

— Линдиве, если откровенно, что этому среднему африканцу...

— Вы хотите сказать, до культуры ли ему сегодня? Ответ будет такой: война за культуру — одна из самых больших и жестоких войн, идущих сейчас в ЮАР. Вот кончается длинный рабочий день, и черные граждане ЮАР в переполненных автобусах и электричках отправляются из Иоганнесбурга домой, в пригородное гетто — единственное место, где им позволено жить («Мы походим на лошадей, которых ставят в конюшни после работы», — сказал как-то один священник-банту). И сколь ни жалок этот дом, но в нем есть ящик — радио, а по радио регулярно идет из Иоганнесбурга «банту-програм». Идет война за души и умы огромного большинства нашей страны. И мы тоже в этой войне. Мы ведем свое наступление; мы не смотрим на него как на агрессию, это наша подготовка, созидание будущей победы.

— И в этой войне вы лично...

— В этой войне я лично, пожалуй, исполнила мамину мечту. Я что-то вроде медицинской сестры, правда, мы боремся за духовное и умственное здоровье.

— Все же, Линдиве, вернемся к старому вопросу. Я о том, что такая история и такая современность, в первую очередь воинственный массированный расизм, могли у многих ваших соотечественников вызвать как реакцию ожесточение, подозрительность, неверие в возможность искреннего сотрудничества с другими людьми и другими культурами. Вопрос, короче, в том, каких союзников в своей борьбе выбирает средний южноафриканец?

— Это не простой разговор, мы его давайте отложим на потом, до Москвы. А вы тем временем почитайте наш журнал. Там кое-что есть на эту тему. Точнее говоря, там есть позиция Африканского национального конгресса. А это влиятельная партия, борющаяся с апартеидом.

Я почитал. Журнал был ежеквартальным изданием женской секции АНК, и название его звучало как крик: «ВАУ» — «Голос женщин» — получалось при расшифровке. Среди разных статей я выбрал одну и хотел бы здесь процитировать несколько абзацев. Статья содержит анализ деятельности и высказываний представителя США в ООН негра Эндрю Янга. В свое время его выдвижение на этот высокий пост подавалось дипломатией США чуть ли не как поворот в политике США по отношению к «третьему миру». Разыгрывался маскарад без масок: негр Янг обращался к своим «африканским братьям» и уверял их в общности интересов стран Африки и США на том основании, что американская культура — это в том числе и негритянская культура и что сам он, негр, — официальный представитель США. «ВАУ» комментировал:

«Все это возбуждение по поводу «глотка свежего воздуха» и «знаменательного выбора»... никакого отношения к реальности «американского образа жизни» и практике отбора кандидатур на руководящие посты, проводимого правящими классами США, не имеет...»

По поводу общих «кровных» интересов, о которых Янг говорил во время африканской поездки:

«Я искренне хотел бы видеть отношения между черными в Африке и Америке такими же, какие существуют между американскими евреями и Израилем». Так сказал Янг. Мы, в Африке, думаем иначе: народ Палестины — наш исторический союзник, поскольку он тоже жертва империалистической агрессии и расизма (сионизма)...

Мы слишком глубоко ценим героическую борьбу черных американцев за свободу в своей стране, чтобы хоть на минуту подумать о них как о черных сионистах, чтобы их отношение к нам сравнивать с поддержкой американскими сионистами Израиля. Даже если Янг присоединится к банде черного сиониста Роя Иннигса, организовавшего через ЦРУ отправку черных наемников для борьбы с Анголой, даже если Янг поделит пополам лавры черного лидера сионистов с Баярдом Растамом, организовавшим марши протеста против резолюции ООН, которая приравняла сионизм к расизму, мы останемся верные своему убеждению: ему не свернуть большинство черных американцев на путь предательства и оппортунизма...

Нет, мы не хотим единства и союзов любой ценой. Всем нашим союзникам, особенно тем, кому выпало счастье наследовать таким великим мужчинам и женщинам, как Фредерик Дуглас, Харрис Фабмен, Мэри Батьюн, Уильям Дюбуа и Поль Робсон (выдающиеся прогрессивные деятели черной Америки. — *Авт.*), мы говорим, что всегда — сейчас и после победы — мы останемся верны антиимпериалистическим, антирасистским союзам! Всегда!»

Третья чашка кофе

Уже в Москве, в последний день перед отъездом, мы снова встретились с Линдиве Мабуза. Снова между нами столик, и на нем стынет кофе.

— Вы первый раз в СССР?

— Да, хотя я много читала о вашей стране и слежу за ее жизнью постоянно. Дома, в Лусаке, получаю «Новое время», «Международную жизнь».

— Вероятно, у вас было какое-то заочное представление о нашей стране?

— Да, я ждала увидеть здесь иное, не то, что видела в западных странах. Я не ошиблась, я вот что главное увидела: как государство способно так организовать жизнь общества, чтоб главным в ней был человек. Вокруг него все вертится, его не мучит бессмысленное расточительство труда, усилий, чувств. Это не рай, это то, что может быть сделано и уже сделано человеком.

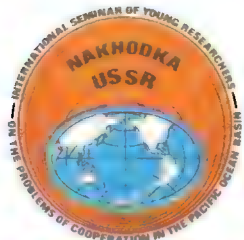
Мне не хочется сегодня говорить о деталях, да и опять некогда. Для нас важна советская культура в ее конкретных проявлениях — книгах, концертах, фильмах, но главное для нас все же в том, что символом этой новой культуры стал Смольный.

В день, когда мы были в пионерском лагере, исполнился год расстрела Соуэто. И, глядя на ваших детей, я вспоминала своих — и мертвых, и живых, играющих на пыльных, замусоренных улицах гетто.

Мы говорим о культуре. На моей родине с нее содрали всякую одежду красоты, но она все же борется, а потому и живет. В свободолюбии народа, в его надеждах и отчаянии живут его поэзия, его театр, его танцы, его душа — на улицах, где пули...

Киев — Москва

[1] *Африканский национальный конгресс (АНК) — старейшая политическая партия коренного населения ЮАР. Основной задачей считает ликвидацию режима апартеида и создание многорасового демократического государства. — Примеч. ред.*



ОКЕАН ПРОБЛЕМ. ОКЕАН НАДЕЖД

Тихий океан... Множество стран самого разного экономического и социального развития объединяет этот самый крупный океан планеты. У каждой из них во многом свои проблемы, рожденные прошлым и настоящим, и свои задачи на будущее. Но есть немало и общих — загрязнение среды, и прежде всего океана, защита национальных богатств и самобытных культур. И главная проблема — она в самом названии океана, ведь «пасифик» значит не только «тихий», но и «мирный», «миролюбивый» — как сделать Тихий океан океаном мира и безопасности, как обуздать империалистические агрессивные силы, не только обостряющие политическую обстановку в этом обширном регионе мира, но и грабящие природные богатства развивающихся стран, уничтожающие культуру малых народов, угрожающие своей корыстной, алчной деятельностью жизни человека и океана? Таковы главные вопросы, затрагивающие интересы и судьбы молодежи региона и нашедшие отражение в работе Международных семинаров молодых исследователей по проблемам сотрудничества в бассейне Тихого океана.



Первый подобный семинар состоялся в 1974 году в Находке, молодом советском портовом городе на берегу живописного залива Америка. Почин молодежных организаций СССР оказался удачным. Встреча привлекла внимание зарубежных молодежных, студенческих, профсоюзных организаций самой различной политической и идеологической ориентации, университетских и научных кругов стран, омываемых Тихим океаном, и стала проводиться ежегодно. Состав ее участников год от года расширялся. На последний, четвертый семинар съехались гости из 24 стран. Своих представителей прислали международные организации: Всемирная федерация демократической молодежи, Международный союз студентов, Латиноамериканская континентальная студенческая организация, Международная ассоциация юристов-демократов, Молодые федералисты мира. С докладами выступали крупные советские и зарубежные ученые, работающие в области международной экономики, политики, права, специалисты по проблемам охраны природы, биологии моря, географии и этнографии.

Тематика, поднимаемая на находкинских встречах, как видим, обширная. «Не «тонет» ли семинар в этом океане проблем?» — интересовался корреспондент «Ровесника», беседуя с его участниками.

— Наша главная цель — расширение конструктивного сотрудничества, разработка новых идей и предложений, которые помогут укрепить мир и безопасность в Тихоокеанском регионе, — ответил председатель Студенческого совета СССР, одного из организаторов семинара, Александр Жариков. — Широта поиска нас не пугает. Напротив, как показал опыт, разнообразие вопросов, свобода их обсуждения, обилие информации, которой обмениваются делегаты семинара, — только на пользу. Не случайно на четвертом семинаре, весьма широком по политическому и идеологическому спектру участников, помимо коммюнике, впервые принят документ, формулирующий общие взгляды участников на важнейшие международные проблемы современности применительно к Тихоокеанскому региону и на его специфические проблемы.

Ричард Карбрей, профессор университета штата Вашингтон:

— Находкинский семинар в своем роде уникален. В нем участвуют как совсем молодые, так и люди постарше, из мира, так сказать, академического. Думаю, и те, и другие почерпнули для себя немало полезного из этого общения. «Well done» (хорошо сделано), — говорю я организаторам семинара.

Кальдор Франсуа, делегат от Международной ассоциации юристов-демократов:

— Каждый год рождает новые проблемы, заслуживающие обсуждения на международных встречах любых рангов. То проблемы использования ресурсов дна морей и океанов. То угроза распространения новых систем оружия массового уничтожения — таких, как нейтронная бомба или крылатая ракета. Очень хорошо, что семинары в Находке не упускают из виду «горячих» проблем современности, волнующих всю прогрессивную молодежь мира.

Иван Марин Чингилла, Либерационистская молодежь Коста-Рики:

— Участники семинара по-разному видят будущее человечества, но все они стремятся, чтобы оно было лучшим, чем сегодня. И тут кардинален — вне зависимости от различий в идеологии — вопрос о выживании человечества. Потому-то мы все с такой заинтересованностью обсуждаем вопросы о сохранности природы и ее богатств. Но еще острее задача укрепить мир, предотвратить военный конфликт.

Карлос Мануэль Веро, журналист (Перу):

— Обсуждения на семинаре укрепили меня в мысли, что курс на разрядку международной напряженности никак не противоречит национально-освободительному движению. Наоборот, в моей стране, например, поддерживать разрядку — значит вести классовую борьбу, борьбу за лучшее будущее людей труда.

Хорхе Ботеро, Национальный союз студентов Колумбии:

— В Находке мы говорили на языке дружбы и сотрудничества. Хотя наш семинар и не связан непосредственно с фестивальным движением, мы фактически стремимся осуществить в рамках Тихоокеанского региона те же задачи — добиваться мира и безопасности, расширять культурный, научный, спортивный обмен на молодежном уровне.

Фредесулинда Бесантес, Институт эквадоро-советских культурных связей:

— Я впервые побывала на таком семинаре и сделала из него вывод, что всегда можно прийти к единому решению, если искренне искать сотрудничества и стараться понять заботы других.

Понять заботы других... Один из японских делегатов призвал молодежь других стран обратить внимание на, казалось бы, чисто внутреннюю проблему Японии. О ней же идет речь и в очерке, присланном в редакцию «Ровесника» из Токио.

ЯД ДЛЯ МИНАМАТЫ

Владимир ЦВЕТОВ,
соб. корр. Центрального телевидения и Всесоюзного радио в Японии — для «Ровесника»



Эта фотография посвящена проблеме, имеющей непосредственное отношение к разумному использованию земли и других природных ресурсов. Японские крестьяне защищают свои поля от компаний, задумавших построить аэродром. На другом снимке — Фумисато Ватанабэ, молодой ученый, возглавляющий научно-исследовательский институт по изучению проблем загрязнения окружающей среды, который рассказал корреспонденту о гражданском движении японского народа.

Редакция «Ровесника» познакомила меня с высказыванием делегата IV Международного семинара молодых исследователей по проблемам сотрудничества в бассейне Тихого океана, представителя Осакского университета Вакио Фудзимото:

— У меня есть предложение организаторам семинара — связаться с молодыми исследователями проблемы загрязнения окружающей среды в Японии. Если будет необходимо, я готов помочь в этом. Дело в том, что за последние годы в Японии появились болезни, вызванные загрязнением воды и воздуха промышленными отходами. В первую очередь я имею в виду компанию «Тиссо». Люди, ставшие жертвами деятельности фирмы, обратились в суд. Но как долго им пришлось бороться за победу своего справедливого дела!

Япония — одна из самых загрязненных стран мира. Причем вред не ограничивается пределами нашей страны. Японские промышленные предприятия оказывают крайне отрицательное воздействие на огромное пространство Тихого океана. Я считаю, что вы должны быть осведомлены о нашем печальном опыте, так как для успешной борьбы за сохранение природы необходимо сотрудничество молодых исследователей всех наших стран. Мы, конечно, кое-что уже делаем. Например, создана совместная группа из природоведов и социологов для комплексных исследований проблемы загрязнения окружающей среды. Но ведь мало добиться в суде выявления виновников заболевания и гибели людей. Здоровье пострадавших этим не восстановишь...

По просьбе редакции «Ровесника» я встретился и поговорил с людьми, которые помогли пролить свет на некоторые подробности той проблемы, которую затронул в городе Находка Вакио Фудзимото. Побывал я и в тех местах, где расположены заводы упомянутой фирмы «Тиссо».

...Катер неспешно плыл мимо берега, один вид которого пробуждал в памяти прочитанные в детстве книги о путешествиях легендарных мореплавателей. Его красоты запечатлены и на рекламных плакатах в аэропорту города Кумамото, приглашающих туристов на восточное побережье острова Кюсю. Фантазии детства и произведения современной полиграфии оказались, однако, бедней той картины, что предстала моим глазам. Я глядел на поросшие пальмами и густым кустарником скалы, причудливыми уступами сбегавшие в голубую воду, на длинные пологие волны, накатывавшиеся на берег и рассыпавшиеся снежными брызгами, глядел и не мог поверить, что здесь-то и притаилась смерть.

Мотор застучал тише, катер повернулся поперек волны, и она понесла его в бухту,

где виднелись распластанные на высоких кольях рыбацкие сети и за ними — потемневшие от времени и соленого влажного ветра хижины рыбаков. Минамата — так именуют этот городок. Так именуют и болезнь, которая сравнительно недавно вошла в японские медицинские справочники.

Первые признаки обрушившейся на жителей Минаматы трагедии были загадочны и жутки. Однажды в Минамате взбесились кошки. Они дико визжали, носились по улицам, налетая на дома и людей, а потом вдруг кидались к морю, прыгали в волны и тонули. Через две недели симптомы неведомой болезни появились у рыбаков. Люди, правда, не бросались в воду — не могли: их мучили судороги. Пока врач местной больницы — она принадлежала химическому заводу фирмы «Тиссо» — доискивался причин диковинного недуга, в Минамате заболели 279 человек, 57 из них умерли в страшных мучениях.

Врач так и не смог найти причины этой болезни. Теперь можно объяснить беспомощность врача: он получал зарплату в фирме «Тиссо». Только спустя шесть лет, в 1962 году, стала ясна причина неведомого заболевания — отравление ртутью. Ртутные отходы заводов фирмы «Тиссо» со сточными водами сбрасывались в море. Сначала они отравили рыбу, рыбой отравились кошки, а затем — и люди. И после этого еще шесть лет хозяева фирмы «Тиссо» не соглашались с выводом независимых от них врачей и еще шесть лет отравляли море, рыбу и людей, питавшихся этой рыбой.

Что же такое болезнь минамата? Эйити Сумитомо, председатель созданной в городке ассоциации жертв болезни, объяснил:

— Минамата — это отмирание мышц рук и ног, это поражение головного мозга, потеря речи, утрата зрения. — Эйити Сумитомо окинул взглядом пустынный берег, у кромки которого волны играли нашим катером, сети, давно не погружавшиеся в море, — их пересушило и выбелило солнце, и продолжал: — Сейчас три тысячи человек медленно умирают от минаматы...

Вот сообщение газеты «Асахи» от 8 декабря 1977 года: «Томоко Камимура, пораженная болезнью минамата в наиболее острой форме, умерла в понедельник в городской больнице Минаматы. Т. Камимура прожила 21 год и 6 месяцев и все это время была прикована к постели. Она родилась полностью слепой и глухой. Единственный звук, который Т. Камимура могла произносить, это «а-а». К своему совершеннолетию Т. Камимура весила всего 14 килограммов. Ее рост едва достигал метра».

Болезнь добралась до префектуры Ниигата, за многие сотни километров на север от Кюсю. Вернее, добрались в Ниигату промышленники, которые построили там завод, точно такой же, что находится в городке Минамата.

Словно в издевку предприниматели соорудили завод, пожалуй, в самом красивом месте этой префектуры. В узкой долине, окаймленной лесистыми горными кряжами, среди изогнутых сосен дымят серые цехи. В них меня не пустили.

Директор завода отказался отвечать на вопросы. Он и несколько служащих долго наблюдали, как я карабкался на гору, чтобы взглянуть на завод сверху, как спускался вниз, на шоссе, где оставил машину. Ответы на вопросы, которые предназначались директору, я услышал в префектуральной больнице, где (хотел написать: «лечатся», но это было бы неправдой) дожидаются конца шестьсот пораженных болезнью минамата. Спасти их невозможно.

Помните фотографию узников лагеря смерти Освенцима? Мне показалось, что эта фотография ожила, когда я вошел в больничную палату. Скелеты, обтянутые изъязвленной кожей. Вздутые животы. Повисшие, словно сухие ветки, узловатые руки. Омертвевшие пальцы. Глаза узников Освенцима светились ненавистью и надеждой, у больных минаматой — навсегда потухшие студенистые бельма.

Санитарка подвела меня к койке, на спинке которой укреплена дощечка с надписью: «Хэймицу Исияма, 57 лет. Поступил в больницу 23 января 1967 года». Невольно бросил взгляд на отрывной календарь на стене: «3 июля 1977 года». Санитарка сделала больному укол. «Иначе ему недостанет сил разговаривать с вами», — объяснила она.

— Можно ли было предотвратить беду? — спросил я Исияму.

Он пошевелил губами. Санитарка, научившаяся за десять лет понимать больного, сказала:

— Господин Исияма говорит: на очистные сооружения требовалось всего два с половиной миллиона иен...

Два с половиной миллиона иен — это чуть больше шести тысяч рублей. Шесть тысяч рублей и шестьсот жизней!

— Оплачивает ли фирма, которой принадлежит завод, ваше пребывание в больнице?

— Нет. Врачи, нанятые фирмой, опротестовали диагноз, поставленный в больнице, и суд не удовлетворил мой иск. Судья не пожелал даже, чтобы меня доставили в зал заседаний.

Фотографии узников Освенцима на Нюрнбергском процессе служили одним из бесспорных обвинительных документов против главных фашистских преступников. В префектуре Ниигата 600 жертвам отказано в праве свидетельствовать против тех, кто повинен в массовой гибели людей. Вспомнился рассказ Эйити Сумитомо, услышанный в Минамате:

— Я присутствовал на многих медосмотрах жителей городка и убедился, что врачи озабочены не тем, чтобы оказать помощь больным. Подкупленные фирмой «Тиссо», врачи стараются доказать, что причина страданий рыбаков не отравление ртутью, а другие недуги. Тогда хозяева фирмы смогут избежать судебного преследования и уклониться от выплаты компенсаций больным. В судах же отказываются даже выслушать потерпевших. Там верят только врачам.

Префектура Тояма — примерно на полпути от Кюсю до Ниигаты. И сюда пришла беда. К местному доктору вдруг стали обращаться пациенты с жалобами на мучительные боли в суставах. Лекарства не помогали. Кости больных становились хрупкими и ломались от малейшего резкого движения. На рентгеновском снимке одного из пациентов доктор увидел 72 перелома. Доктору досталась сомнительная слава окрестить болезнь: он назвал ее «итай-итай», что в переводе означает «больно-больно».

К тому времени, когда врач установил, что болезнь вызывается отравлением кадмием, число его пациентов достигло 280. Кадмий обнаружили в воде, которую химический завод фирмы «Мицуи» спускал в реку. Речной водой крестьяне орошали рисовые поля.

Доказательства преступления были представлены властям в 1960 году. Лишь спустя восемь лет министерство здравоохранения официально признало доказательства убедительными. А фирма «Мицуи» вплоть до 1976 года отрицала свою вину и продолжала сбрасывать в реку болезнетворные отходы. За эти годы 119 человек погибли от «итай-итай», но не это заставило фирму прекратить смертоносное производство. В 1976 году тринадцать японских и иностранных ученых вынесли заключение, оспорить которое юристы фирмы не смогли: причина «итай-итай» — отравление кадмием.

До 1967 года в Японии не существовало закона, который препятствовал бы загрязнению среды. Наконец такой закон разработали, но включили в него оговорку: «Закон не должен мешать нормальному развитию экономики». В представлении предпринимателей нормальным является такое развитие экономики, которое приносит максимальную прибыль. Создание же очистных сооружений прибыль уменьшает. Следовательно, защита окружающей среды мешает нормальному экономическому развитию. Нормальная логика капиталистического производства.

Сейчас в Японии есть специальная правительственная организация — управление по вопросам окружающей среды. Вопросов управление ставит множество, жгучих, подчас вопиющих, однако еще ни разу оно не предложило хотя бы робкого решения одного из них.

Руководству цинковых рудников на острове Цусима пришлось согласиться на проведение государственной инспекции воды и почвы, поскольку у жителей острова появились симптомы болезни «итай-итай». Контролеры в течение нескольких месяцев брали пробы, и анализ их неизменно показывал, что содержание цинка в воде и почве в пределах нормы, хотя очистных сооружений на рудниках по-прежнему не было. Выяснилось: хозяева рудников специально готовили места для взятия проб с таким расчетом, чтобы степень загрязнения не превышала установленного предела. Ничего не подозревавшие жители острова продолжали пить отравленную воду, возделывать отравленные поля.

Эту историю поведало управление по вопросам окружающей среды. Поведало бесстрастно и... бесплодно. Привлечь руководство рудников к уголовной ответственности, прекратить загрязнение — такого заключения управление не выдвигало.

Докладные записки управления способны вызвать ужас и негодование. Ужас — перед фактами последовательного уничтожения предпринимателями живой природы и человека как части ее. Негодование — безразличием властей к преступникам.

...Из объявления о «фотохимическом смоге», передаваемого время от времени по токийскому телевидению и радио: «Внимание! Говорит токийский центр по контролю над загрязнением воздуха! В воздухе повысилось содержание вредных веществ. Внимание! Срочно прекратить школьные занятия на открытом воздухе. Детей вернуть в классы. Как можно меньше находитесь на улице. Пользуйтесь автотранспортом только при крайней необходимости. Внимание! В больницах и поликлиниках открыты пункты экстренной медицинской помощи».

Февраль 1977 года. Управление сообщило, что в течение предшествовавшего года только в Токио было подано 2839 жалоб на предприятия, загрязнявшие воздух. Следственные органы приняли к расследованию 415 жалоб. По восьми жалобам возбуждены уголовные дела. Все они прекращены «за недостатком улик». В 1976 году в Токио ежемесячно выпадало 34 тонны сажи на квадратный километр.

Октябрь 1977 года. 78 вредных для здо-

ровья химических соединений обнаружено в береговой почве, в воде и рыбе в 22 из 46 префектур Японии.

Ноябрь 1977 года. Половина проб почвы, взятых в 358 местах Японии, и четверть проб воды, взятых в 454 местах в реках и озерах, показали недопустимо высокое содержание хрома.

Декабрь 1977 года. Опасное для здоровья людей содержание в почве кадмия обнаружено в 80 местах страны, меди — в 36 местах, мышьяка — в 10 местах. Представляют угрозу для жизни и здоровья людей и животных 29 процентов японских рек, 45 процентов озер и 23 процента площади морской поверхности, окружающей Японию.

С этой мрачной статистикой созвучен не менее мрачный прогноз, также составленный управлением по вопросам окружающей среды: если японская промышленность будет развиваться прежними темпами, а радикальные меры по защите природы не будут приняты, то к 1985 году промышленные отходы покроют Японию слоем в 2,5 сантиметра.

Японцы опасаются, что так оно и будет. Столкнувшись с экономической депрессией, предприниматели прежде всего урезали расходы на содержание очистных сооружений. И правительство согласилось с этим — ведь закон о предотвращении загрязнения среды «не должен мешать нормальному развитию экономики».

Крылатая фраза «После нас — хоть потоп» здесь могла бы звучать: «После нас — хоть свалка». А чтобы будущие поколения японцев и не подозревали о том, что бывает бездонно голубое небо, нежно-зеленый лес, прозрачно-синее море, министерство образования уже теперь вымарало из учебников для начальной школы упоминание о проблеме охраны окружающей среды.

— Загрязнение воды и воздуха превратилось в общенациональное бедствие, и противостоять ему можно лишь общими усилиями всего народа.

Так сказал мне Фумисато Ватанабэ. Он возглавляет научно-исследовательский институт по изучению проблем загрязнения среды. Ватанабэ положил передо мной брошюру, на обложке которой значилось: «Список организаций, участвующих в гражданском движении»:

— Взгляните, как широко развернулась борьба за спасение природы от уничтожения.

В стостраничном списке, напечатанном типографским способом, перечислялись названия нескольких тысяч организаций, созданных в разных уголках Японии и поставивших своей целью спасти окружающую человека среду. В одном только Токио я насчитал 104 такие организации.

— В гражданском движении участвуют представители самых разных слоев населения независимо от политических симпатий и убеждений, — продолжал Ватанабэ. — До недавнего времени люди, обеспокоенные угрозой гибели живой природы, апеллировали к политическим партиям, к правительству, к парламенту, но тщетно: уничтожение природы продолжается. И тогда простые японцы поняли, что должны взяться за дело сами.

Ватанабэ повел меня вдоль длинных полок, уставленных папками. «Общество заботы о чистоте устья реки Аракава», «Совет борьбы против загрязнения среды заводом в Нитта», «Ассоциация противников строительства скоростной автотрассы через жилой массив в районе Кита», — читал я на корешках папок.

— Каждая организация добивается решения совершенно конкретной задачи, — объяснил Ватанабэ. — Например, «Общество заботы о чистоте устья реки Аракава» объединяет тех, кто проживает в кварталах при впадении Аракавы в Токийский залив. Они собирают подписи под требованием прекратить сброс в воду промышленных отходов. — Ватанабэ раскрыл папку и перелистал копии требований. — Эти требования члены общества вручают хозяевам расположенных по берегам Аракавы заводов. Если хозяева отмахиваются, общество подает на них в суд.

Я вспомнил ассоциацию жертв болезни минамата и ее председателя Эйити Сумитомо. Ассоциация тоже преследовала конкретную цель: заставить фирму «Тиссо» выплатить больным справедливую компенсацию и установить на заводе в Минамате очистные сооружения. И ассоциация добилась победы, хотя далось ей это нелегко; десять лет длилось судебное разбирательство по делу фирмы «Тиссо», почти столько же фирма тянула с созданием очистных сооружений на своем заводе в Минамате.

Я попросил Ватанабэ назвать другие организации, которые тоже добились успеха в борьбе. Он протянул две папки. Из документов, собранных в одной из них, я узнал, что рыбаки и крестьяне местечка Усуки в префектуре Ойта, поддержанные профсоюзами, студентами и профессорами префектуральных высших учебных заведений, объединились в «Общество защиты природы в Усуки» и не позволили фирме «Осака сэмэнто» построить в местечке цементный завод. У рыбаков и крестьян стоял перед глазами трагический пример соседнего поселка, где пыль с цементного завода погубила все живое на много километров вокруг. В другой папке были собраны свидетельства о борьбе и победе жителей побережья залива Хирота в префектуре Иватэ. Там «Союз борьбы за спасение красоты залива Хирота» не допустил засыпки прибрежных участков моря под строительство промышленных предприятий.

— Не выглядит ли борьба против загрязнения среды как движение против экономического развития? — спросил я у Ватанабэ.

И он ответил:

— Заставить предпринимателей создавать на предприятиях очистные сооружения удается крайне редко. Строительство очистных сооружений делает производство дороже и приводит к сокращению прибылей. Там, где предприниматели все же устанавливают приспособления для очистки сточных вод и дыма, они поднимают цену на производимые товары, уменьшают заработную плату рабочим. То есть страдает опять-таки народ. Мы далеки, конечно, от желания сделать из природы неприкасаемого идола. Мы хотели бы, чтоб предприниматели учитывали все последствия экономического роста и выбирали такие формы хозяйственного развития, которые не нарушали бы экологического равновесия. Однако, — голос Ватанабэ снова приобрел резкость, — капитализм не способен разумно и трезво смотреть вперед.

ЭНИВЕТОК: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

„Мы заявляем о своей решимости не допустить повторения трагедии Хиросимы и Нагасаки и устранить угрозу ядерной катастрофы... выступать против всех видов испытаний ядерного оружия в Азии и Тихом океане и бороться за нераспространение ядерного оружия; выступать за скорейший созыв Всемирной конференции по разоружению, против разработки и производства новых видов оружия, в том числе такого чудовищного средства уничтожения, как нейтронная бомба».

В те самые дни, когда в советском городе Находка участники IV Международного семинара составляли заявление, содержащее эти слова, корреспондент западногерманского журнала «Штерн», находившийся на одном из тихоокеанских островов, заносил в свой блокнот:

«Полуторакилометровое путешествие к кратерам оказалось испытанием нервов. По лицу струится пот, но противогазную маску снимать ни в коем случае нельзя. Американец, сержант Кэнада то и дело останавливается и приставляет счетчик Гейгера к обломкам дерева или железа. Прибор издает щелчки нарастающей громкости. Сержант комментирует: «Плутоний» — и шагает дальше...»

Кратеры, о которых говорит корреспондент, «рукотворного» происхождения. Они оставлены ядерными взрывами. Сорок три раза, с 1948 по 1958 год, поднимались над коралловым тихоокеанским раем зловещие шатры. 30 из 40 островов атолла Эниветок и по сию пору столь сильно заражены радиацией, что возродить на них жизнь можно, лишь вывезя куда-нибудь ставший смертоносным коралловый песок. Его решено захоронить в двух кратерах на острове Рунит. «Это место, — сказал корреспонденту «Штерна» майор американской армии Дэй, — останется на вечные времена запретной зоной». А рядом, на островах по соседству, между прочим, будут жить люди.

Тридцать лет назад американцы вывезли с островов атолла Эниветок всех коренных жителей. Им было сказано: «Здесь будут проводиться эксперименты на благо человечества». Поселенное на отдаленном островке племя жило все эти годы на грани голодной смерти. «Нас поддерживала только надежда когда-нибудь вернуться в родные края», — сказал западногерманскому журналисту 84-летний старейшина Йоханнес Петер. Своим именем он обязан тому времени, когда атолл Эниветок считался колонией Германии (до 1914 года). Затем пришли другие хозяева — японцы, а в феврале 1944 года их выбили отсюда американцы. На белом коралловом песке остались ржаветь покореженные останки боевой техники. Потом... Потом то, что уцелело после «обычных» бомбардировок — деревья, птицы и прочая живность, — было сметено, сожжено, обращено в радиоактивный пепел с помощью атомных и водородных взрывов.

«Я смотрю и ничего не узнаю», — горестно шепчет Йоханнес Петер. Его мечта сбылась: вместе с первой группой репатриантов он вернулся на первый из островов атолла Эниветок, объявленный американцами «очищенным от радиации». Двух островов Йоханнес Петер вообще недосчитался. Чудовищная сила водородных взрывов вдавила их в океан...

«Остается под большим вопросом, сможет ли на атолле Эниветок возродиться былая жизнь», — заключает корреспондент «Штерна». Картину разорения этих когда-то идиллических островов он дополняет таким штрихом. Из всех живых существ уцелели только крысы: спаслись от радиации, от ударных волн и теплового излучения в глубоких подземных норах. Их сейчас 10 тысяч, они пока хозяева атолла.



ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АДЕНЕ

Ю. СТЕПАНОВ,
наш спец. корр.

С ПОКАЗОМ ДИАПОЗИТИВОВ И ЛЮБИТЕЛЬСКОГО ФИЛЬМА, СНЯТОГО ТАМ ЖЕ, УСЛЫШАННЫЕ ГОД СПУСТЯ В КУЙБЫШЕВЕ

Их шестеро, и они говорят «мы».

«Мы» — это сложно и в то же время просто. Это и шестеро, сидящие сейчас вместе (но лишь пятеро из них студенты Куйбышевского авиационного института, шестой — их доктор, он же, как потом выясняется, и повар); все 53 человека, проведшие 75 дней и ночей в Адене (о ночах мог бы быть особый разговор, поэтому и они в счет), — это тоже «мы»; и, наконец, «мы» — это куйбышевцы.

— Такие ли вы уж строители? — спрашиваю я в лоб. — Ну если сравнить вас с профессионалами — можно это? Хоть с какой-то выгодой для вас?

На их лицах возникает сложная смесь недоумения, смущенности и обиды. Оказывается, уже несколько лет их можно встретить в строительных отрядах в Туве, в Тюмени, Астрахани, Костроме; девушки же из института в этом году впервые летали стюардессами, и, значит, их можно было встретить над очень многими городами, но это так, к слову. Девять лет подряд институт держит первое место среди строительных студенческих отрядов области. Это уже традиция, так что их каменщики, бетонщики, плотники, стропальщики вполне могут работать бок о бок с профессионалами. В общем, было из кого выбрать.

Поездка воспринималась ими как награда. Договоры со студенческими строительными отрядами заключаются, как правило, в феврале, и у них впереди было еще несколько месяцев. Они готовились.

— Комиссия медицинская была самая дотошная, все — вплоть до электрокардиограмм... Нелишне это оказалось. И все равно двоих пришлось отправлять из Адена домой. У одного что-то с сердцем началось, не очень опасно, но все же. А у другого оказалась совсем уж странность — на жуткой аденской жаре он вдруг начал покрываться настоящей гусиной кожей, как это бывает в сырую, промозглую погоду. Похоже, что-то аллергическое. Обнаружить это до отъезда не было никакой возможности. Это как раз те самые случайности, которые нельзя предусмотреть, но к которым надо быть готовым всегда.

Мир все-таки тесен, и в Куйбышеве нашелся врач, который буквально только что вернулся из Южного Йемена, пробыв там три года. «Пугать не буду, — говорил он. — Чего вас пугать, все равно вы едете, все уже решено, но вы даже не представляете, в какое пекло попадете. Даже курить не сможете, не захочется. Это все равно, что курить в бане. Кто-нибудь пробовал?» Он советовал взять с собой луку и чесноку (взяли по три килограмма каждый, и очень это пригодилось), потому что с непривычки без таких продуктов будет трудно. К тому же местные фрукты и овощи — даже зеленый лук — содержат мало витаминов: их «пожирает» беспощадное солнце. «Увидите и поймете все сами», — говорил он, справедливо считая, что студенческие отряды должны ехать в другую страну вовсе не для одной только работы. Рабста — это само собой, увидеть и понять увиденное едва ли менее важно.

Они уже знали по-арабски «доброе утро», когда на рассвете их самолет приземлился в счастливой стране (можно еще сказать — благоденствующей, как толкуют название Йемена многие исследователи, связывая его со словом «йюмн» — счастье).

— Светало уже. Вроде бы самое прохладное время... Вышли мы в своих стройотрядовских формах, сначала подумали, что просто под турбины попали самолетные... Оказалось, нет. Воздух там чуть сладковатый и такой тягучий, чуть ли не руками можно раздвигать. Стоит неподвижно, как вода в аквариуме... Ни ветерка. Брючины сразу прилипли к ногам. От испарины.

Очень белая лестница

— А это лестница...

Я вижу. В кадре на фоне удручающе голых каменных глыб струится с поворотом прекрасной белизны лестница. Как все белое под зноем, она радостна. Взбегает все выше и выше — и на самом верху тоже белая смотровая площадка. Отсюда видна значительная часть Адена. Собственно, единого города нет. Есть притулившиеся у самой подковы огромного вулкана, словно разбросанные пригоршнями, группы домов, разделенные паутиной извилистых улиц. Вон порт, с давних пор пролетарское ядро Адена; на несколько километров вдоль бухты протянул он крыши серых пакгаузов, ощетинился стрелками многотонных кранов, мачтами деревянных парусников — самбук. За портом пролегла улица Маала, что значит «миля». Дома в шесть-семь этажей, со всеми удобствами. Их построили в 50-х годах специально для англичан.

Море не сохраняет следов кораблей. Заходившие сюда за века суда — из Африки и Европы в Индию и на Дальний Восток, с Дальнего Востока и Индии в Африку и Европу — они не поместились бы в голубизне огромной бухты Аденского порта, теснились бы до горизонта и дальше. Бухта не бережет это видение, но оно угадывается...

Если обернуться к открытому океану, то откроется зеленый Хормаксар, плоский перешеек, соединяющий вулкан Аден с материком. Это здесь в уютных коттеджах до недавнего времени квартировали семьи английских колониальных чиновников и старшего офицерского состава огромной военной базы (плотник-араб, работающий вместе с нашими студентами, однажды скажет: «Мы сюда и заходить-то свободно не могли, а вот теперь строим тут для себя»).

С противоположного края белой площадки ясно виден Кратер. Так называют старый город — собственно Аден. Он в кратере потухшего вулкана. С одной стороны — покойный залив, с другой — могучий кряж горы Шамсун. С него повстанцы вели огонь по английским казармам. Над Кратером всегда висит марево пыли, дыма, испарений. Дышать там, кажется, уже и вовсе нечем. Но именно здесь при англичанах и жила основная масса арабского населения. Сейчас, между прочим, улицы Кратера заасфальтированы, и по ним, шелестя щетками, ползают подаренные Моссоветом уборочные машины.

Самый странный памятник

На слайде серые развалы скал и в углублении желтое — неестественное среди естественной гранитной серости гор — пятно. Как яблоко на изношенной булыжной мостовой.

— Машина...

— Как же попала? Это ж высоко.

— Англичане когда уезжали, один и продавал ее. Вначале много просил, потом сбавлял, сбавлял. Никак не мог продать, никто не покупал. Тогда он подцепил машину вертолетом и сбросил над горой. Теперь как памятник лежит.

И еще один памятник

— Почему ж не восстановили? Просто ведь...

— А это специально. Решили оставить.

Полдома словно объедены, но дом крепок до удивления — обрушившийся второй этаж не мешает жить сохранившемуся первому.

— Мастерские внизу. Как были, так и остались. Авторемонтные.

Дом стоит на самом берегу бухты — поэтому и пострадал. Он был последним ясным свидетелем ухода англичан. Его вид, наверное, был просто вызывающим для уходящих: надо было при уходе хлопнуть дверью — и они хлопнули...

— Когда уходили, выстрелили по нему, уже с кораблей.

— Зачем?

— Непонятно.

Они не знают. Я тоже не могу понять. Наверное, понять все увиденное не так-то просто.

Из прошлого

Первое упоминание об Адене еще в Библии.

Доктор, проведший три года в Йемене и столь счастливо оказавшийся в Куйбышеве, сказал: «Книги, по-видимому, не дают возможности до конца понять страну, но почему же не почитать».

«Южный Йемен, — читали они, — посещали суда финикийских купцов и египетских фараонов. Многие исследователи отождествляют его со страной сказочных богатств Пунт, куда за благовониями, драгоценными камнями и металлами отправлялись отважные древние мореплаватели. (Эти же авторы писали о нынешнем: «Недра Народной Демократической Республики Йемен совершенно не изучены. Высказываются предположения о вероятности залежей на ее территории нефти, меди и некоторых других полезных ископаемых. Но практическое значение в настоящее время имеют только запасы морских солей и строительных материалов — строительный камень, цементное сырье, гравий и песок».) Через территорию Южного Йемена проходил торговый путь между Средиземноморьем и бассейном Индийского океана. Здесь находились процветающие сельскохозяйственные районы с высокой для того времени техникой орошения и обработки земли. Юго-западная часть Аравийского полуострова являлась одним из очагов возникновения древних цивилизаций».

И еще в этих книгах можно было прочитать, как дрались за эту землю захватчики — и с народом йеменским, и между собой. Как англичане захватили ее почти полтора века назад и постарались сохранить ее в средневековом состоянии, чтобы спокойно можно было содержать угольные склады для своего индийского флота, а потом, когда их выгнали из Индии, — аэродром и военную гавань. Больше ни для чего им эта земля не нужна была. Англичане поддерживали два десятка султанов, эмиров, князей в их междоусобицах и в подавлении народных выступлений. Понятно, что ни о каком развитии экономики, просвещения, культуры, здравоохранения и речи быть не могло. Объединенной политической организации Национальный фронт (ОПОНФ), покончившей в стране с всевластием капитала, приходится начинать с нуля, за что ни возьмись. Построить же южные йеменцы решили общество, основанное на идеях научного социализма.

На улице

На фотографии две козы у глиняной стены — одна всеми четырьмя копытами стоит на спине у другой и тянется поверх стены за листьями.

Я видел в своей жизни, как в страшную засуху коровы поднимались на задние ноги и карабкались передними по стволам деревьев, пытаясь схватить губами листья. Видел и коз, но только не взбирающихся друг на друга, а опирающихся передними ногами... Здесь же почти цирковой трюк. Но, оказывается, это еще не все.

— Потом они сменяются, и нижняя будет есть. Мы смотрели и прямо глазам не верили... Кстати, коз там, говорят, много, но это, наверное, где-то дальше от побережья. В Адене козьего мяса мы почти не видели. Черепах в основном ели, морских... Идешь, а у берега они на веревках — привязаны за камень — плавают. Так их там продают. А потом начинаешь разделывать — на дворе, конечно, — а вокруг собираются... Три ряда обычно. Первый ряд — кошки: с огромными головами, с огромными ушами, еще, конечно, лапы и хвост — и совершенно без туловища. Как тонкая палка на длинных лапах и с головой. Съесть они могут сколько угодно. А за ними другой круг — вороны. Клювы чуть ли не с банан

величиной. И умные тоже — до невероятности. А потом собаки — третий круг. Их мало. И какие-то они вялые.

А деревьев, кстати, мало... И вообще, какое-то странное отношение к деревьям: то есть никто словно не чувствует в них нужды — не сажают, не ухаживают. Поначалу мы никак не могли понять почему. Потом дошло: воды-то пресной почти нет. Что такое двадцать пять миллиметров в год? Так в Адене выпадает. И то не каждый год. Это все равно что помирающему от жажды налить в стакан ровно на два пальца... Но и тут, между прочим, без прошлого, без истории не обошлось: дерево в Адене всегда было чье-то и всегда богача. Личные были деревья.

С запасным флагом

— Форма была у нас такая, — смеются они, — трусы... Чистые трусы — парадные, а для работы еще одни — погрязней.

Но на этом снимке они все в полной форме и в строю.

— Сейчас флаг будем поднимать... Еще дома у нас был конкурс: на лучший флаг. Нас предупредили, что там все очень быстро выцветает, и надо было подобрать такие цвета, чтобы они, даже выцветая, оставались такими же... Потом мы видели, как по утрам — очень рано — многие посольства меняли свои флаги.

Мы выбрали себе красный с голубым. Еще там мастерок был на нем, звезда, серп и молот... Как-то вышло, что нам и менять его не пришлось, хотя у нас был запасной, — сколько ни смотрели, он все у нас был красный да голубой. Так и назад его привезли...

Работа

Шестеро не могут мыслить и говорить в унисон, особенно если они вспоминают. Так что работа складывается в их воспоминаниях так:

— Строили мы Высшую школу политических наук. Школа, собственно, существует не первый год — мы в ее общежитии жили. Строили вместе с местными товарищами новую — восемь зданий всего, целый комплекс: два общежития, столовая, конференц-зал, насосная станция, учебные корпуса, спортивный комплекс — открытый.

— Это все был наш, советский дар. Строить они поначалу хотели сами и построили бы, только медленней. Очень тяжело там с квалифицированной рабочей силой, мало опытных строителей. Когда мы разбились по бригадам, стали к нам приглядываться — как мы-то работаем... Мы поначалу накинулись — резко так, быстро работали.

— Как где-нибудь в Тюмени, на холодке.

— И тут же попритихли... Градусник там в тени висел. К теневым прибавь шестнадцать — это чтобы узнать, сколько на солнце. Прибавлять не захочешь, если в тени градусов сорок.

— И радиация еще солнечная — раз, говорят, в десять выше нашей. В ней-то самая страшная сила. Солнце бьет по голове, как кувалда. И спрятаться негде.

— И странно, вот когда мы так попритихли, тут к нам в бригады и пришли йеменцы — из молодых, начинающих.

— Остыть нам дали, понять, где мы. Так что получилось, мы их стенку класть учили, а они нас чему-то большему.

— А Сайва как работал на экскаваторе... На глазок копал — нарочно на земле ничего не отмечал, а котлован выкопает плюс-минус пять сантиметров, не больше.

— И вообще, безотказный... Надо, например, в рамадан прийти работать — придет без слова. А в этот исламский праздник никто обычно не работает и не ест с восхода до захода солнца.

— Да и в выходной приходил.

— А когда перекрытия делали, так и ночью.

— Лет сорок ему было, а он как-то говорит: «Я только теперь работу и почувствовал. Вот что значит для себя».

— А Али как однажды... Это шофер наш. Поехали мы както с ним пиво покупать, банкет у нас намечался. И вдруг он заспорил с хозяином бара. Тот требует с нас еще один динар, а он так и вырывает у него, так и не дал ему этот наш динар. Потом спрашиваем: в чем дело-то, о чем кричали? «Он лишний хотел с вас взять». — «А ты?» — «А я ему сказал, с кого берешь? Они строят нам... Империалист ты, сказал». А это, нужно вам сказать, в Адене настоящее оскорбление.

— Были мы у него дома... Живет еще очень бедно. От англичан в наследство остались для арабов одни халупы (Маала — капля в море). Но жизнь становится лучше. Теперь никто с голоду не умирает, все дети ходят в школу.

— В машине он совсем не разбирался — такая странность там, разбираться механик должен. Это тоже англичане так придумали, все меньше знающих людей из местных. А водил отлично, реакция прямо жуткая.

— Тоже с работой не считался, всегда с нами — и в выходной, и в самую жару...

— А воды пили... Отряд литров триста за день выпивал. И все равно за полторы недели ребята похудели в среднем килограммов на восемь.

— Еще бы... Техника как в тридцатых годах у нас — лопата, тачка, руки, ноги.

— Три месяца Сочи, остальное — Сандуны... Но они зимой в море не купаются. Это значит — море двадцать пять градусов. У нас летом Волга так не нагревается.

— Ну, Бадер и про наш климат тоже хорошо говорил. Бадер — это начальник стройки был, местный. В Ростове строительный институт кончил. Сначала, правда, он в Москве учился, кончил нулевой курс в Университете дружбы народов, а потом просто не выдержал — холодно, перевели его. Это все равно, говорил, что жить в холодильнике — по улице идешь, смеясь рассказывал он, а изо рта дым, и не тает — друг другу этим дымом пишут прямо по воздуху и читают.

— Очень строгий, кстати. Рабочие там его и уважают, и боятся даже. Если Бадер что сказал — все, никаких.

— И страной своей гордятся, любят ее.

— А справедливость какая... Удивительно просто. Поедешь на базар за провизией. Нас ведь все-таки много, пятьдесят человек, накорми всех... Подходишь: «Картошки продашь?» — «А сколько?» — «Мешок». — «Нет, не могу». А картошка лежит у него. Немного, но лежит. Вроде бы продай ее всю оптом, да и пошел. Или арбузы так же. Нет, не могу, и все. Вообще-то там власти строго следят, чтобы не было спекуляции, но и сами йеменцы, те же торговцы, продают основные продукты строго. Чтоб всем хватило понемногу, никто не продаст сразу все. Если только специальная бумага будет — и в государственном магазине. Как, например, для рабочих столовых.

— В общем, на работу нашу не обиделись.

«Добрый вечер»

Лавка крошечная.

— Сигареты там у него, хлеб, вода... Вот и вся торговля. Воду там везде продают, самая бойкая торговля.

Две стены сжимают лавку, и в ней многолетняя тень.

— Этого продавца знала вся советская колония. Так мы его и звали: «Добрый вечер»... Ехали как-то мимо, в самом начале это было, только наш Али притормозил — попить, и вдруг старик говорит на чистейшем русском: «Воды никакой нет... Ни теплой, ни холодной. Никакой». Мы остолбенели. Обыкновенный мелкий торговец, кстати. Способный человек. Родители еще бедней были. Он как-то и не сказал, чем они занимались, вроде как ничем. А этот говорит практически на всех языках — английский, французский, немецкий — именно говорит. Мы-то с ним по-русски разговаривали. Я, говорит, на всех разговариваю, мне это ничего не стоит, само собой получается. Вот десять лет назад появились русские, я и научился.

— Он даже и не интересовался никогда, как обычно это бывает в чужой стране: «А как у вас? А кто вы?» Просто каждого хотел понять, кто именно ты, вот ты, что перед ним, а уж кто мы и как у нас — это ему просто было понятно.

— Потом всегда у него пили. Даже когда и не хотелось.

И еще добрый вечер

На снимке пионеры. С цветами.

На другом — они же на сцене, делают те фигуры, которые у нас назывались когда-то пирамидами.

— Это у нас вечер был. Нас пригласил местный университет — были с медицинского, педагогического ребята. Потом концерт давали... А пионеры, оказалось, совсем недавно из «Артека», только что вернулись.

— Ребята, студенты, всё интересовались: непонятно им было, почему мы работаем в каникулы? Зачем? Как это у нас в стране началось? Весь вечер мы рассказывали о наших стройотрядах, они до мелочей выспрашивали... Кажется, они в задумчивости остались.

— Хотели мы вместе с ними поработать, посоревноваться. Но что-то у них не сложилось. Не сразу это, конечно, выходит. У нас ведь тоже не сразу началось.

А весь их фильм — было море. Индийский океан непрерывными белыми валами набегал на Хормаксар. И еще они. И еще портовая бухта — та самая, до сих пор удобная и естественная, Аденская.



В МЕРУ КИСЛЫЙ, В МЕРУ СЛАДКИЙ

«Пару лет назад они проделали это с Лидбелли (известный исполнитель блюзов. — Ред.), потом с Ленни Брюсом (комик, яростно критиковавший американскую действительность. — Ред.), а теперь добрались и до Вуди Гатри. Эдак все настоящие герои падут — попадут в Голливуд, а там их подвергнут санитарной обработке, почистят, потрясут — и вот вам новый полусвятой. Во всяком случае, после голливудовской шлифовки все они становятся вполне пригодны для употребления» — так начинает журнал «Нью мьюзикл экспресс» рецензию на вышедший недавно фильм о Вуди Гатри «Готовый к славе» (о Вуди Гатри «Ровесник» писал в № 8 за 1973 год).

Голливуд, похоже, наконец-то оказался готовым к славе Вуди Гатри — на свой манер, конечно. С одной стороны, фильмы, имеющие привкус политики, сейчас хорошо потребляются. С другой — и сама фигура Вуди Гатри выигрышна, особенно в молодежной аудитории. Возможно, желание рассказать о Вуди Гатри у постановщиков фильма было вначале и искренним, но Голливуд остается Голливудом, все той же машиной. После обработки мятежный Вуди Гатри — его роль играет актер Дэвид Кэррэдайн — «выглядит человеком, кормившимся гроздьями гнева («Гроздья гнева» — роман Джона Стейнбека о временах Великой Депрессии. — Ред.). О песнях Вуди Гатри говорили, что слушать их — это как есть лимон: и горько, и кисло, но если осилишь — чувствуешь себя чище и здоровее. А этот Вуди оказался кисло-сладким — на любой вкус».

200 ЛЕТ ДОМУ ВЕРДИ



Сезон 1977/78 года стал юбилейным для миланского театра «Ла Скала» — театру исполнилось 200 лет. Не было ни споров, ни сомнений: юбилей должен быть отмечен постановкой произведения Верди. Выбрали оперу «Дон Карлос».

Решение было едва ли не единодушным, и объяснение тому простое: «Ла Скала» издавна считается домом Верди, даже на тысячелировых банкнотах великий композитор изображен на фоне великого театра. Между тем история «Ла Скала» вовсе не подтверждает этого...

Верно, в период с 1839 по 1845 год на сцене состоялось пять премьер опер Верди, но затем последовал перерыв в 42 года, когда Верди предпочитал для премьер сцены других театров Италии (прежде всего Венеции, Рима) и других стран (в том числе России). Дело в том, что в прошлом веке «Ла Скала» был лишь одним из театров, и далеко не лучшим. Лишь время и усилия таких людей искусства, как дирижер Артуро Тосканини, заложившего традиции высочайших требований к оркестру и труппе, создали нынешнюю мировую славу «Ла Скала», дому Верди.





ЛЮБОВЬ К ЭЛЕКТРИЧЕСТВУ

Трудно поверить, но это диковинное сооружение, что на снимке вверху, сработано школьниками (см. нижний снимок). 12 мая 1975 года триста учащихся школы-интерната в датском местечке Ульфборг вышли на рытье котлована для гигантской ветряной мельницы. «Нас давно уже возмущали высокие цены на электроэнергию, — объяснила учительница Эва Вестергорд. — Вот мы и задумали построить свою электростанцию, ветряную». Деньги на стройматериалы и услуги проектировщиков собрали 120 преподавателей, отчисляя в течение года часть своей зарплаты в общий фонд. Зато все бетонные и прочие работы делали сами школьники. Услышав об их затее, в Ульфборг потянулись молодые добровольцы со всей Дании — рабочие, служащие, студенты. Трудились бесплатно, двенадцать часов в сутки шла работа. Люди постарше только покачивали головами: такого энтузиазма от нынешней молодежи они никак не ожидали. И вот красавица мельница готова: за год ветряк будет вырабатывать до 4 миллионов киловатт-часов электроэнергии.





ЗАВОДЫ, УЛИЦЫ, ЛЮДИ...

Постоянная тема итальянской печати — борьба трудящихся против монополий, инфляции, безработицы. Постоянная новость газетных страниц — сообщения об увольнениях на предприятиях, о политических убийствах и похищениях, совершаемых ультралевыми и ультраправыми организациями.

Все завязано в один тугой узел: экономика и политика, условия труда и безопасность жизни. Потому главным условием преодоления долгого политического и экономического кризиса организованное движение итальянских трудящихся считает единство. Потому главную цель в борьбе с организованным рабочим классом его сознательные или стихийные противники видят в разобщении, расчленении единства.

Часовой всеобщей забастовкой ответили рабочие ФИАТа на очередное покушение, совершенное в Турине членами левацкой организации «Красные бригады». Отказом — на предложение администрации выйти на сверхурочную субботнюю работу. Это предложение, считает профсоюз, несправедливо, так как, во-первых, оно последовало после «каникул», которые та же администрация навязала рабочим в конце года, во-вторых, оно несправедливо потому, что усиление эксплуатации происходит в то самое время, когда в Турине насчитывается 16 тысяч безработных.

Единство — таков лозунг дня. «Заводы и жилые районы едины в борьбе» — такова тема настенного рисунка в рабочем квартале Турина.

ТАЙНЫ ШПИОНАЖА. На страницах нескольких австралийских газет было помещено объявление о приеме на работу молодых людей, желающих «сделать романтическую карьеру тайного агента». В этой связи комментаторы задаются вопросом, собирается ли правительство принять какие-нибудь другие меры по сокращению безработицы среди молодежи или все ограничится приглашением в шпионы.



ВСЕГДА В НАСТОЯЩЕМ

Сухие цифры статистики говорят, что в минувшем году самой популярной французской певицей в мире была Эдит Пиаф. Только в Японии было продано более миллиона ее пластинок, полмиллиона в Канаде, столько же в ФРГ и Италии. Среди «хитов» — «Гимн любви», «Милорд», «Под небом Парижа», написанные четверть века назад. А «Жизнь в розовом свете» вышла на первое место по количеству интерпретаций; эту вещь (слова Эдит Пиаф) исполняли все большие певцы мировой эстрады. Критики считают, что новое поколение молодежи открыло для себя, как и предыдущие поколения, пронзительную силу этой маленькой женщины, умершей 15 лет назад. Один из ее композиторов, Рене Рузо, пишет: «В эпоху измельчания чувств Эдит показала и показывает нам всем трагизм личности, судьбы, любви. А трагизм не может не потрясать... Артистом становятся. Пиаф можно только быть. Вот почему о ней еще долго будут говорить только в настоящем времени».



ШУМИМ, БРАТЦЫ, ШУМИМ

Две тысячи лет назад поэт Марциал жаловался на то, что он почти оглох от грохота колесниц, сновавших мимо его виллы. Счастливчик, его жалоба дошла до нас! Как тихо тогда было!

Сегодня поэтам не всегда удается докричаться до внемлющей аудитории, не легче и простым смертным, ведь шум напрямую разрушает здоровье и поражает психику.

Вот мнение миланского профессора Джузеппе Кавалацци: «Пока уровень шума не превышает 90—95 децибел, проблем не возникает. 115—120 децибел — «болевой порог». Если интенсивность выше, повреждения слухового аппарата необратимы».

Для ориентировки сообщим некоторые данные «шумовых эффектов»: реакция стадиона на гол — 100 децибел, самолетные турбины — 130—150, дискотека — 130—140.

ФИЛИПП, ОТЕЦ АЛЕКСАНДРА

«Величайшей археологической находкой столетия, сравнимой с открытием Трои и гробницы Тутанхамона», назвали специалисты и пресса открытие греческого археолога Манолиса Андроникоса. В местечке Вергина в недрах холма обнаружено захоронение македонского царя Филиппа, отца Александра Македонского.

На стенах гробницы найдены уникальные образцы греческого изобразительного искусства, о котором до этого мир имел представление только по литературе и росписи ваз. Серебряные, медные сосуды, боевой шлем, золотой колчан, жезл, покрытый золотом, золотые урны (общий вес предметов из золота составляет 48 килограммов!), наконец, портретные изображения семьи Македонских — поистине находка поразительная!

Раскопки и исследования будут продолжены, но уже сейчас можно с уверенностью говорить о том, что это царская гробница, а царь — Филипп. Как заметил профессор Андроникос, «обычному суду хватило бы и меньшего количества доказательств, чтобы вынести свой приговор».









ДИН РИД: «ХУДОЖНИК ДОЛЖЕН РИСКОВАТЬ»

Н. РУДНИЦКАЯ

Сейчас я спою вам песню, которую вы у себя напечатали, — помните «О, да-да-да!»? А вы подпевайте...

Мы сидели в нашем каминном зале — «каминный зал» — слишком громкое звание для маленькой комнатушки, но камин-то настоящий, живой! В камине горели ящики из-под яблок «джонатан» — их мы добыли во дворе соседнего магазина. К появлению Дина мы еще не успели сломать эти ящики, и Дин, сняв пиджак, ловко орудовал топориком, и официальной беседы потом вроде бы и не было — все шло само собой: разговоры, песни [1].

О, я прекрасно и эту вашу комнатку, и камин помню. Сколько же лет я у вас не был? Около шести? Ну и ну!

Так, значит, что за это время изменилось... Наверное, самое главное — я приобрел новую профессию. Вы знаете — я давно имею дело с кино, часто снимался, но теперь я попробовал себя в новом качестве: сценариста и режиссера. И играл я в этом фильме — эдакое растроение личности. И все же основное мое творческое приобретение — работа режиссера. Понимаете, я всегда думал, что актер тратит слишком много времени впустую: по-настоящему актер работает только около двух часов в день. А режиссер в работе всегда.

Вот такая, к примеру, история: мне по сценарию нужна была сцена с участием десяти тысяч человек. На студии ДЕФА мне сказали: «Дин, мы не Голливуд, ты с ума сошел! С каких денег мы всем этим десяти тысячам платить будем?» Они предложили мне вырезать эту сцену, но она так много значила для фильма. И тут мне повезло. Первый секретарь болгарского комсомола пригласил меня участвовать в митинге солидарности с чилийскими демократами в Софии. На митинге выступали Гладис Марин, Клодомиро Альмейдо, Изабель и Анхель Парра. Вот там я и снял нужную мне сцену. Да, мне очень понравилось быть режиссером...

Но если серьезно — я ведь снимал фильм не просто потому, что мне вдруг захотелось снять фильм. Этот фильм для меня — дело чести. Я хорошо знал Виктора Хару, он был моим другом. И я хотел сделать фильм о Певце — фильм так и называется «Эль Кантор» — «Певец». Я играю не Виктора Хару и не Дина Рида — мне даже пришлось отпустить усы, чтобы не быть похожим ни на Виктора, ни на Дина, — я играю Певца, это символ.

Я должен был сделать этот фильм не только как дань памяти моему другу — я давал много концертов солидарности с Чили, но аудитория концертов относительно невелика, а фильм могут увидеть все. В этом году он будет показан на пяти кинофестивалях: в Сан-Франциско, в Акапулько, в Сан-Себастьяне, в Монте-Карло и в Карловых Варах. И ваше телевидение уже приобрело его. Я повезу его и на Фестиваль в Гавану.

Эта работа определила для меня многое. Будущее свое, каким я его вижу, конечно, режиссура, но это не значит, что я не буду больше петь: вот недавно я две новые песни написал.

Но главное — буду снимать. Теперь я хочу сделать фильм о трагедии лагеря Тель-Заатар: жители его — и палестинцы, и ливанцы — летом 1976 года в течение 52 дней отражали атаки правых экстре-

---

[1] *Дин Рид посетил нашу редакцию в начале января — он был в Москве по приглашению Советского комитета защиты мира, который вручил Риду Почетную грамоту «Борцу за мир». — Примеч. ред.*

мистов. Тель-Заатар был стерт с лица земли...

А решение сделать этот фильм пришло ко мне так: в прошлом году Ясир Арафат пригласил меня в лагеря палестинцев. И вот как раз в тот день, когда я приехал, израильская авиация начала бомбить Южный Ливан и лагеря палестинских беженцев. Мне не было страшно, честно, не было. Самое сильное ощущение — это дикая ярость, гнев. Потому что они бомбили тех, кто никакого отношения к войне не имел, — крестьян. Израильская пресса сообщила, что Израиль собирается оккупировать Южный Ливан. И вот тогда я надел форму, и взял в руки автомат, и лежал в окопах вместе с федаинами. Правда, до перестрелки тогда дело не дошло.

Но если бы пришлось стрелять — теперь бы я стрелял. Я говорю «теперь», потому что в свое время, в шестьдесят первом году, я уехал из США как раз потому, что стрелять не хотел — я был пацифистом и отказался идти в армию. Но с тех пор я слишком часто видел, как убивали моих друзей. И я понял: можно петь песни, снимать фильмы, но когда приходит время стрелять — надо стрелять. Мне кажется, недостаток многих художников в том, что они сидят в уютных кабинетах и пишут песни, стихи, сценарии фильмов, которые вдохновляют других людей рисковать жизнью. А я считаю, что художник должен рисковать вместе со всеми.

Ясир Арафат рассказал мне о жизни там, в Тель-Заатаре, о том, что на тридцать тысяч беженцев было всего два врача — один учился у вас, другой в ГДР. И вот я хочу показать судьбу палестинцев через судьбы этих двух врачей.

Честно говоря, мне нелегко было решиться снимать подобный фильм. И вот почему.

Я уже говорил, почему уехал из Америки. Уже тогда этот мой шаг вызвал ко мне враждебное отношение — многие «патриоты» сочли меня предателем. За эти годы мне не единожды пришлось делать выбор, принимать решения. Это был выбор идеологический и решения, продиктованные совестью. И каждый раз на родине у меня появлялись новые враги. В американской прессе меня теперь уже привычно называют «экс-ковбоем, работающим на Восточную Европу» — клише такое. А когда я последний раз был дома, два года назад, выступал с концертами солидарности с чилийскими демократами — то в «Ньюсуик» обо мне написали: «Дин Рид — агент Кремля!»

Понимаете, наши средства массовой информации часто играют в либерализм, но это только игра. Да, к примеру, телевидение показывало выступления Джорджа Харрисона в пользу Бангладеш, но, откровенно говоря, Бангладеш не такая уж была серьезная проблема для правительства США. Или другой пример: Джейн Фонда и Марлон Брандо. Они мыслящие, прогрессивно настроенные артисты, но от экрана им все же не отказано, потому что, как бы прогрессивны они ни были, главное — они не марксисты. Я же хоть и не член коммунистической партии — единственная организация, к которой я принадлежу, это Всемирный конгресс миро-

ВЫ СПРАШИВАЛИ

любивых сил, — «скомпрометировал» себя марксистскими убеждениями. Потому, кстати, мне и не позволили выступить по телевидению во время моей последней поездки на родину — правда, один раз я все же выступил, по некоммерческому телевидению в Лос-Анджелесе... Из-за этих моих убеждений я сидел в тюрьмах четырех стран: Венесуэлы, Чили, Аргентины и Италии; мне запрещен въезд в те же Италию и Аргентину, а еще в Уругвай, Боливию, даже в Сан-Марино... В этих странах были приняты специальные законы на мой счет: «Дин Рид представляет угрозу для безопасности страны». Я — персона нон грата. Уверен, это произошло не без участия госдепартамента США.

И вот теперь, когда я сниму фильм о Тель-Заатаре... Наверное, я совсем не смогу бывать на родине: сионисты контролируют у нас бóльшую часть прессы, шоу-бизнеса. И тем не менее я принял такое решение, потому что каждый должен когда-то выбрать, на чьей стороне правда.

Жалел ли я когда-нибудь о том, что сделал? Большинство людей на моей родине не принимает моих действий. Даже моя семья не согласна со мной, и иногда я чувствую себя очень одиноким. Но не стоит об этом говорить... Потому что я выбрал для себя главное, и сделал это с открытыми глазами.

На прощание Дин Рид подарил читателям «Ровесника» свою новую песню. Называется она «Скажи мне, как».

C3/5 — H7 — A7 — G3/5 — C3/5 — H7 — A7 — G7/3 — Припев — C3/5 — эти до 𝄌 2 раза — 𝄌

1. Won't you tell me how to get back to where I was born. Tell me how, tell him how. Won't you please take my hand and then lead me back home. Take my hand, take his hand.
2. Let me smell that fresh and good air at least one more time, one more time, one more time just a wind in the green grass loo-king at the blue sky, the blue sky, the blue sky.

Let me ride my old po-ny just as free as the breeze, oh why don't we just let him ri-de? Let me drink the cold wa-ter from a clear moun-tain stream. The wa-ter sure as hell tastes fine.
Oh take me to that home of mine.

1. Скажи — как вернуться туда, где был я рожден,
Был рожден,
Был рожден.
Возьми мою руку, введи меня в мой дом,
В мой дом,
В мой дом.

Припев:
Дай еще раз промчаться на старой лошадке
И вдохнуть свежий ветер полей.
Дай испить мне из быстрых ручьев Колорадо
Сладкой воды юности моей.

2. Дай вдохнуть этот воздух еще хоть только раз,
Только раз,
Только раз.
Полежать бы в траве, не спуская с неба глаз,
С неба глаз,
С неба глаз.

Припев:
Дай еще раз промчаться на старой лошадке
И вдохнуть свежий ветер полей.
Дай испить мне из быстрых ручьев Колорадо
Сладкой воды юности моей.
Сладкой воды родины моей.

Русский текст Н. Тумансиной.

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, Ю. А. ГОРЯЧЕВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление М. М. Ракитнина
Технический редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 16/II 1978 г. Подп. к печ. 22/III 1978 г. А05575. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 217.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Индекс 70781
Цена 25 коп.



Перед вами, читатель, отрывок из рок-оперы «С кем тебе по пути!», написанной датской группой «Фэллесаккорден» в 1976 году. Впервые эта рок-опера была исполнена на праздничном вечере Союза коммунистической молодежи Дании и с тех пор неоднократно и с успехом звучала в различных аудиториях страны. Комсомольский ансамбль «Фэллесаккорден» — коллектив непрофессиональный, свою задачу видит в пропаганде демократической, рабочей культуры среди молодых датчан.

Ноты и слова песни «Товарищ» предоставил нам руководитель «Фэллесаккордена» Кьелд Аммундсен, русский текст написал А. Хвостов.

ТОВАРИЩ

1. Если парень один на дороге стоит — случилась беда:
В мотоцикле проколота шина,
Друг! Скажи, ты проедешь мимо! Проедешь мимо!
Нет, конечно, поможешь ему ты всегда.
Припев:
Так будь же товарищем — дружба к сплоченью ведет,
А солидарность — ведь это дорога вперед.
Так будь же товарищем — дружба к победе ведет!

2. Устало и хмуро подруга глядит,
А ты смотришь на лица красоток в журналах...
Друг! Неужели она тебе меньше нравиться стала!
Ведь это работа ее измотала.
Припев.

3. Девушка! Если твой спутник устал — больше нет сил,
Чтобы дальше бороться и верить,
Скажи, ты разве закроешь перед ним свои двери!
Ты поможешь ему пережить все потери.
Припев.

4. Если старый рабочий рядом с тобой получает
Такую плохую зарплату,
Неужели ты позволишь ему одиноко стареть!
Нет, ты руку протянешь, поможешь, как брату.
Припев.

5. Везде на работе царит суматоха: бастуем!
А нам говорят: «Будет плохо...»
Так что же ты — вспять повернешь, испугавшись расправы!
Или докажешь в борьбе, что мы были правы!
Припев.

6. Чтобы жить и бороться, свободно любить,
Свое право трудиться отстаивать гордо,
Братья! Мы должны сплотиться и в солидарности жить,
Этот истинный путь мы выбираем твердо!
Припев.